

В. В. Шуликовская

ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОЙ АСПИРАНТКИ

Абсолютно фантастическая история

БОН АНЦА

Ижевск

2012

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш 95

Шуликовская В.В.

Ш 95 Похождения бравой аспирантки. Абсолютно фантастическая история / В. В. Шуликовская. — Ижевск: Информационно-издательский центр «Бон Анца», 2012. — 104 с.

Абсолютно фантастическая история, не имеющая ничего общего с действительностью и повествующая о том, как в меру молодая и симпатичная, достаточно умная и не обремененная избыточными моральными принципами молодая специалистка проходит сквозь горнило аспирантских испытаний и отыскивает свой путь в дебрях современной науки.

*При оформлении обложки использована фотография
памятника Джордано Бруно (скульптор Этторе Феррари).*

ISBN 978-5-903140-94-7 © В. В. Шуликовская, 2012
© Информационно-издательский центр
«Бон Анца» (оформление), 2012

ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОЙ АСПИРАНТКИ

Абсолютно фантастическая история

Действующие лица

Варюха — аспирантка, которая защитилась.

Ритуська — аспирантка, которая сделалась профессоршей безо всякой защиты, но ещё надеется защититься.

Миша — аспирант и ассистент кафедры, старше и опытнее остальных, почти защитился.

Павлик — подающий надежды молодой учёный, вскоре оказавшийся в армии.

Петруха — практичный молодой человек, защитился платно.

Ким — таинственный аспирант, появляется только на защите.

Игорь Валерьянович — их научный руководитель, очень занятый человек, специализируется на получении грантов.

Профессор Плюстилоль — вдовец с честными намерениями, чувствительный к женской красоте.

Профессор Слэлэбидзе — тоже чувствителен к женской красоте, но без честных намерений.

Профессор Думикис — профессор из смежного института, неизменный оппонент у аспирантов Игоря Валерьяновича.

Профессор Сутулбенс — учёный секретарь диссертационного совета, придаёт огромное значение инновациям и собственной фамилии.

Профессор Птипеш — коллекционер, страстный во всех отношениях.

Профессор Метумтам — заслуженный деятель науки, гроза учёного совета.

Профессор Жмулкис — ненавистник фирмы «Майкрософт».

Профессор Дразиня — знаменит тем, что без усталости куёт кандидатов наук.

Профессор Ахонин — глава лаборатории философского макетирования, почти что семейного предприятия. Отец аспиранта Кима.

Василь — аспирант из института со смежным профилем, жертва дистанционного образования.

Володька и программисты — молодые кандидаты наук, предпочитают пастись за компьютерами.

Славик — бывший одноклассник Варюхи, несведущий в высокой науке, но зато закончивший юридический факультет.

Мифические персонажи — дурак-изобретатель вечного двигателя, призрак ослепшего аспиранта, триумvirат профессорво-апологетов дистанционного обучения и их начальник.

А также — уборщицы, студенты, преподаватели, официанты, философская тётенька средних лет, шустрый человек с большими связями, вдова профессора, диссертант-самоубийца и одна спившаяся привокзальная проститутка.

Большая часть событий происходит в Институте Общей и Прикладной Ахинематики, сокращённо — **ОПА**.

Автор предупреждает читателей, что все персонажи являются вымышленными, правила обучения аспирантов и защиты диссертаций — устаревшими, ни одна из описанных ситуаций не соответствует действительности, а указанные в повести расценки — плод воображения автора, и их ни в коем случае нельзя принимать за руководство к действию.

Посвящение

*Брат Джордано,
Великий Ноланец,
Бессмертный гражданин
вечно одухотворённой Вселенной!
Забывтый философ,
Чья трагическая тень
До сих пор нависает над нашим временем
Сквозь пламя поглотившего Вас костра!
Позвольте протянуть Вам руку,
Приветствуя Вас
Через четыре разъединяющих нас столетия.
И позвольте посвятить Вам
Эту недостойную книгу.*

Было две причины, побудившие меня обратиться именно к Вам. Первая из них — глубоко личная. Я обращаюсь к Вам, потому что, едва открыв Ваши книги, я увидела, что между нами существует удивительное интеллектуальное сходство, которого я не чувствовала ни с кем из других философов. Когда речь заходит о мышлении, почему-то считается, что манера рассуждать и делать выводы у всех людей одинакова. Возможно, это и верно, но только для самых первых, самых начальных построений, использующих простейшие правила логики, действительно более-менее общие для всех. Что же касается выводов посложнее, то они отличаются друг от друга точно так же, как отличаются стихи поэтов, пишущих на одном языке, палитры художников, изображающих одну и ту же природу, или черты лица у людей, схожих телосложением и количеством рук и ног. Потому что у каждого философа есть свои излюбленные приёмы мышления. Потому что два разных зрителя способны увидеть в одной и той же вещи совершенно разные качества, подчеркнуть одни и вовсе не заметить других. Да, мы во многом не совпадаем в своих взглядах на Вселенную и человека, ибо мы родились в разное время и нас отличает предварительная

сумма знаний, полученных в детстве и юности. Мы построили свои здания на разных фундаментах. Но если бы мне довелось жить в Вашу эпоху и получить воспитание, свойственное Вашим современникам, я могла бы сделать из своей жизни те же самые выводы, которые сделали Вы.

Вторая причина — в том, что Ваше поколение стоит в начале той эпохи, которая заканчивается на нас. Каждый из вас давно стал символом, легендой, а Вы — ещё и жертвой, той жертвой, которую всегда приносят в начале пути. Теперь этот путь завершён. Мне довелось жить в то время, когда все драмы, прологи к которым написало Ваше поколение, были сыграны человечеством окончательно и бесповоротно, все сюжеты исчерпаны, все поставленные вами вопросы — либо полностью решены, либо раздробились в множестве вариаций, рассеялись, как рассеивается луч света, отражённый от бесконечного числа зеркал. Вы стояли на грани между ночной магией средневековья и дневным светом разума, а сегодня наш разум обесцветил весь окружающий мир. Наше знание не даёт нам ни воли, ни счастья, не помогает ответить ни на один из мучительных вопросов бытия, хотя регулярно снабжает нас множеством разнообразных игрушек, всё опаснее и опаснее. Ваша волшебная, живая Вселенная, в которой всё сущее устремляется к смутно провиденному идеалу, в которой планетами движет любовь и каждая песчинка мечтает стать звездой, превратилась во Вселенную мёртвую и злую, в которой лишённые разума твари безжалостно грызут друг друга, борясь за место под солнцем, и нет у них никакого будущего, только стать прахом, утратив себя навсегда. И намного хуже, намного страшнее их твари разумные. Нет такой подлости, нет такого предательства, которое могло бы удивить моих современников. Но не мы ли сами создали для себя этот мир? Кто знает, какими волшебными свойствами обладает любопытный взгляд познающего? Не ведёт ли себя природа по отношению к нам как зеркало, предъявляя нам именно тот из своих обликов, который мы более всего рассчитываем увидеть? Этого я сказать не могу, но я вижу, как мои современники, ликуя, шагают к пропасти, ведóмые современной наукой. Потому что любое благо рано или поздно изживает себя и становится злом. Достоинства торжествующего разума очевидны и понятны, а промахи принадлежат той области,

которую могут разглядеть только люди, наделённые совершенно особым зрением. Но исполнить свой долг палачей и могильщиков современности им мешает отсутствие другой перспективы, другого пути.

И есть ещё Ваша мученическая смерть, которая по-прежнему освещает дорогу холодного разума, даже если Вы хотели совсем не этого. Я не знаю, какой подвиг может перечеркнуть принесённую Вами жертву. Остаётся только смеяться.

Ведь мои современники до сих пор полагают, будто поставщики свежих знаний и авторы технических выдумок — сплошь люди умные, образованные и честные, будто все их гипотезы многократно обсуждаются, все эксперименты повторяются, а доказательства тщательно проверяются.

Мне захотелось рассеять хотя бы это предубеждение.

Поскольку, как это заведено у пятикурсников, получение дипломов начали обмывать за неделю до защиты дипломов, на последнее и окончательное чаепитие собрались лишь самые стойкие и выносливые. Праздновали в общежитии, не настолько похабно, как это принято изображать в последнее время, но всё-таки. Ведь общежитие, что ни говори, было женским, и после одиннадцати представителей противоположного пола туда пускать, собственно, не полагалось. К середине ночи, когда дело дошло до коллективного исполнения гимна СССР в старой редакции, кое-кого из празднующих, как водится, потянуло на философские обобщения. Особенно старался в этом отношении Петруха, высокий молодой человек, обладатель удлинённого и костистого лица с рыжеватыми волосами, который всегда вызывал у девушек смутные мечты об Англии, хотя, по сути, ничего английского за Петрухой не замечалось. Говорил он, как обычно, много и громко, не слушая остальных и старательно отвечая на вопросы, которые сам же себе и задавал.

— Ну чё, ребят, последний раз собираемся, всё, диплом! И ржачки вашей я, народ, не понимаю. Ну вот куда ты пойдёшь с твоим дипломом, в котором написано, что ты теперь крупный специалист по ахинематике? Науке, безусловно необходимой для процветания общества, хотя общество об этом пока ещё не догадывается. Помнишь Серого с предыдущего курса? Теперь в ларьке пивом торгует вместе со своим высшим образованием. Диплом, говорит, на стенку в рамочку повесил, чтоб алкаши уважение имели. Да это-то ещё что, он белобилетник, а вот нам осенью придёт повестка — и вперёд, кирзовые сапоги тебе бесплатно. Диплом, не диплом... И отмажешься чёрта с два. Так что радоваться должен один только Павлик, которого почему-то сегодня нет среди нас. Чему? Да тому, что он, ботан очкастый, уже, считай, в аспирантуре, а там отсрочка. А если диссер защитит, да почему если, не если, а когда диссер защитит, так и вообще хрен призовёшь. Кандидат наук, однако, сливки общества.

— А ты, Петенька, чем ты хуже Павлика? — с наигранной нежностью поинтересовалась хозяйка комнаты, которую все почему-то называли Ритуськой. Может быть, потому, что она обладала тем

типом внешности, который принято называть кукольным и конфетным, иногда даже карамельным.

— Ну ты загнула! Павлик у нас восходящая звезда науки ахинематики, профессор в десятом поколении, хоть с прошлого года и сирота. А у меня диплом — и тот синий. Но вообще идея интересная, слушай, Ритуська, умничка ты моя. Дай-ка я тебя поцелую. А ты в аспирантуру не хочешь? Кто мне вчера плакался, что из общаги комендантша гонит, а за квартиру таких бабок требуют, что на еду уже не остаётся? Тем более что на работу ты ещё не устроилась. Аспирантам, кажется, общагу дают?

— А то, ещё лучше, чем студентам. Это тебе не пятеро дебилов в одной комнате, можно даже в преподавательском крыле места получить.

— Ну да, там дверь за последний год всего-то раз выносили, и стёкол разбитых почти нет, и кастрюли с супом хотя тоже воруют, но очень-очень редко, — отозвался из своего угла вечно угрюмый Колька.

— Короче, ребята, надо поступать в аспирантуру.

— Куда ты со своим синим дипломом в калашный ряд? Учти, аспирантура должна быть очная, иначе ни отмазки тебе от армии, ни общежития. И ещё ведь руководителя искать надо, а лично я не знаю такого идиота на нашем факультете, чтобы он согласился тобой руководить.

— Да ладно, — подала голос Варюха, одна из Ритуськиных подруг, которая, будучи уже на последнем курсе, на удивление всем как-то сумела сделать себе красный диплом. — Им же тоже план выполнять по аспирантам надо, не одного Павлика учить, и мы, дураки, глядишь, на что-то сгодимся.

— Короче, ребята, — подытожил Петруха, — подам-ка я документы в аспирантуру. Ну не убьют же меня за это! А вдруг поступлю? Ритуська, ты со мной?

— Знаешь, Петечка, ты меня убедил. Уж очень из общаги уезжать не хочется. Да и стипендия не помешает, хоть и мелочь, но ведь ни за что, просто так платят. А в продавщицы идти знаешь как не хочется!

— Колька?

— Нет, Петь, я пас, надоело уже учиться. А вот Варька, похоже, за.

— Да, я попробую.

— А ты, Варюх, почему? Нет, я, вообще, не против, просто интересно. Мне-то отсрочка нужна, Ритуське — общага, Павлику — наука. А тебе? Ты ведь городская, и работу могла бы найти...

— А я так, за компанию.

– 2 –

Ночные автобусы и вообще-то очень сильно отличаются от дневных. Отсутствие пассажиров позволяет заметить всё то, что днём обычно скрыто: изрезанные сиденья, треснувшие стёкла и извечную, несмываемую грязь. А тот очень поздний, точнее, очень ранний автобус, на котором Варюха возвращалась домой, имел ещё две занятные особенности. Во-первых, пол автобуса, на который не давили своим весом несколько десятков человеческих тел, видимо, из-за каких-то недостатков в конструкции, подпрыгивал на каждом ухабе, да так, что Варюха невольно подпрыгивала вместе с ним. А поскольку ухабы на дороге встречались, можно сказать, непрерывно, приходилось всё время прыгать. Сперва Варюха пыталась покрепче взяться за поручень, давала себе слово, что в следующий раз обязательно устоит на ногах, но потом смирилась с неизбежным и покорно прыгала.

Вторая особенность имела вид женщины, как принято говорить, несильно постбальзаковского возраста, но с испитым лицом и нетвёрдой походкой. Если учесть, что автобус следовал от городского вокзала, профессия дамы угадывалась без труда. Примечательным в этой даме была её манера по очереди подходить к каждому из пассажиров-мужчин с одним и тем же вопросом:

— Пойдёшь со мной в кусты за бутылку? Хочешь со мной в кусты за бутылку?

Как ни странно, до сих пор на такое заманчивое предложение никто не согласился, хотя погода стояла тёплая.

— Кто на такую позарится? — прошептал соседу один из мужиков и вдруг подмигнул Варюхе. — Вот если б эта красотуля предложила, я б, пожалуй, пошёл.

От его взгляда Варюхе стало немного неуютно, и она сделала вид, что смотрит в окно. Но после очередного, особенно высокого прыжка кто-то потряс её за локоть.

— Что, деваха, жалеешь меня? — перед ней стояла неудавшаяся проститутка. — А ты меня не жалей. Мы все такие, все мы в этой жизни подкладываемся, кто под клиентов, кто под начальство. Только делают это все по-разному, каждый по-своему. Ты слышь, что я тебе скажу, деваха? Главное, деваха, когда тебя, того-этого, в позу расписную поставят, ты представляй, что это всё не с тобой, будто ты в сторонке стоишь и смотришь. Не с тобой всё это, понимаешь, деваха? Вот ты думаешь, я рвань да пьянь, обезьяна морщинистая? А это всё вроде как кукла, а ты её откуда-то сбоку за верёвочки дёргаешь, — и вдруг глянула на неё такими трезвыми, можно сказать, бездонными глазами...

Ух ты, а у тётеньки, похоже, славное филологическое прошлое! Может, и диплом имеется, с оценкой по ахинематике. И хотя Варюха готовила себя к совсем другой карьере, совет спившейся проститутки показался ей интересным.

– 3 –

Уже почти на рассвете Варюха зашла в свою пустую квартиру. В доме было холодно, причём не только в смысле температуры, а во всех отношениях. Через пару лет после развода её мать принялась активно «устраивать свою личную жизнь», как она это называла. До сих пор устройство личной жизни сводилось к тому, что Варюхе приходилось ночевать на кухне или где-нибудь у подруг, а потом выслушивать жалобы родительницы и её длинные речи на тему «все мужики — сволочи». Но последние несколько месяцев личная жизнь, похоже, и впрямь начала устраиваться, потому что мать всё чаще сама уходила ночевать незнаемо куда, а недавно собрала и унесла в это таинственное место кое-какие носильные вещи. Варюха, в принципе, была только за, ей давно хотелось свободы. Но после расставания с Димкой иногда вдруг становилось очень одиноко, накатывало, как она выражалась. Варюха уже усвоила, что этот комок в горле надо просто перетерпеть, ну, поплакать на всякий случай. И тогда можно будет заснуть, свернувшись калачиком и прижав подушку к животу. Почему-то подушка у живота придавала ощущение надёжности.

Сегодня, однако, не спалось. Варюха прокручивала в голове разговор в общепитии, закончившийся таким спонтанным решением

поголовно поступать в аспирантуру, и никак не могла ответить себе самой на простой вопрос: а нужна ли ей, вообще-то, эта аспирантура, эта диссертация? С одной стороны, вроде и ни к чему, проработать всю жизнь в институте ей не хотелось совершенно. Варюха была далеко не глупа, свой красный диплом она получила сама, без всякого блага, хотя и в последний момент, но учиться ей уже порядком поднадоело. Это Павлик, сын недавно скончавшегося профессора Павловского, был помешан на науке, носился с какими-то теориями и, что называется, подавал большие надежды. Варюха оценивала себя трезво. Она может выучить конспект, может чётко рассказать его на экзамене, ей не лень часами просиживать в лаборатории, аккуратно заполняя журнал, но ни на что оригинальное она не способна. Да и не нужно ей это. С другой стороны, идти всё равно было пока некуда. Отец по старой памяти обещал помочь с поисками работы, но Варюха понимала, что взрослая дочь со своими проблемами ему уже давно ни к чему. Ну, конечно, поможет, чем сможет, деньгами хотя бы, да вот с работой пока ничего не получалось. Кризис, будь он неладен. Даже места секретаря так просто не найдёшь. Не улицы же мести, в самом деле? И кассиром в магазин идти не хотелось, а здесь всё-таки стипендия и возможность подработать. В перспективе — кандидатская, а это намного серьёзнее, чем просто высшее образование. И ребят бросать жалко, всё-таки все свои, не придётся новыми знакомыми обрывать. И не будет этого комка в горле, этого тяжёлого одиночества, этих слёз по ночам.

Уже засыпая, обняв и крепче прижав к себе подушку, Варюха крепко-накрепко решила: пойду.

– 4 –

В этом году у всех новых аспирантов на Варюхином факультете научным руководителем числился заведующий кафедрой экспериментальной и инновационной ахинематики Игорь Валерьянович, относительно молодой для профессора и доктора наук, а поэтому необычайно занятой человек. Говорили, что, помимо института, он трудится как минимум ещё в четырёх местах, но где именно — точно не мог сказать никто. Варюха его практически не знала, потому что у их курса он, в общем-то, ничего не вёл, только один маленький зачёт, который все получили автоматом, без всяких

проблем. При первом знакомстве больше всего бросалась в глаза его привычка всё время отвлекаться от темы разговора, словно он постоянно думал о чем-то своём, намного более важном. Может быть, дело в том, что ему всё время приходилось отвечать на разнообразнейшие телефонные звонки и читать сообщения, приходящие на пейджер, причём зачитывал он их неизменно вслух. Говорят, что и лекции на потоке он читал в таком же телеграфном стиле: пять минут лекции — пять минут телефонного разговора, иногда прямо в аудитории, иногда в коридоре. Студенты к этому привыкли и приспособились во время вынужденных перерывов заниматься чем-нибудь своим, от блиц-игры в подкидного дурака до написания курсовых работ.

Одевался он по обычной в институте сиротской моде: невыразительный пиджачок более чем среднего возраста, под которым скрывалась либо рубашка не в тон, либо ещё и непонятный свитер. Большинство преподавателей мужского пола отчего-то ходили по институту именно так, то ли не придавая значения внешнему виду, то ли демонстрируя окружающим своё тяжёлое материальное положение.

На первом же собрании Игорь Валерьянович познакомил их с Мишей, своим аспирантом третьего года обучения и одновременно ассистентом кафедры, рекомендовал по всем организационным вопросам обращаться именно к этому молодому человеку, зачитал прогноз погоды, только что поступивший к нему на пейджер, и, сославшись на необычайную занятость, удалился. Впрочем, все кандидаты в аспирантуру Мишу прекрасно знали ещё со студенческих лет, хотя бы потому, что он неоднократно проводил у них занятия по самым разным предметам, замещая загруженных более важными делами профессоров. Это был ловкий и неизменно весёлый молодой человек того типа внешности, который иногда называют южнорусским: смуглый, с круглыми карими глазами и правильными чертами лица. Вряд ли он так уж досконально разбирался во всех доверенных ему многочисленных разделах ахинеатики, потому что лекции обычно читал по учебнику и не стремился отвечать на вопросы аудитории. Но зато и не изображал из себя сиятельную особу, зачёты проставлял легко и без придиорок, а на экзаменах, которые, конечно, принимать ему не доверяли, но на которых он, как фактический лектор, неизменно присутствовал,

всегда вставал на сторону отвечающего. Научного руководителя он, на правах старшинства, фамильярно именовал Аверьянычем, за глаза, конечно.

Сегодняшнее собрание Миша посвятил заполнению заявлений и сдаче вступительных экзаменов. Заявление о приёме в аспирантуру надо было написать строго по образцу, хотя для людей с высшим образованием это не фокус. Фокус был в том, что к заявлению необходимо было приложить реферат, посвящённый будущей научной теме (независимо от темы роль реферата играла копия дипломной работы), и, что самое неприятное, — рецензию научного руководителя.

— Итак, братва, наша сегодняшняя основная задача — сочинить четыре разных рецензии на ваши якобы высоконаучные творения. Рецензии положительные, но повторяться в них могут только слова «рекомендую к поступлению в аспирантуру». И подпись, разумеется, которую Аверьяныч проставит завтра с утра. Если ни у кого нет свежих идей, — тут Миша выдержал паузу, но идей не было ни у кого, даже у Павлика, — то поступаем, как обычно. Берём рецензии за прошлые годы, каждому по две штуки, и сочиняем из них одну свою. Предложения перемешиваем так, чтобы ваша бумажка не сильно совпадала с двумя предыдущими. Полный бред стараемся не писать, вдруг кто-то решит эту вашу галиматью прочесть. Когда напишете, каждый возьмёт и прочитает рецензию соседа, чисто на всякий случай. — Миша не глядя вынул из шкафа потрёпанную папку для бумаг и так же, не глядя, достал оттуда небольшую кучку листов формата А4. — Действуйте, а я пошёл на занятие, студенты заждались, истосковались, поди, уже. Когда всё сделаете, не расходиться, ждать меня, вам ещё в аспирантуру поступить надо.

Действительно, вторую половину этого необычного собрания посвятили сдаче вступительных экзаменов, точнее, одного из них, экзамена по специальности. Миша удивил будущих аспирантов тем, что прежде всего раздал им бланки заявлений о приёме на работу в институт.

— Я надеюсь, вы все в курсе, что преподаватели и сотрудники института имеют льготы при поступлении, а для очной аспирантуры это весьма существенно. Вам ведь всем очная нужна, если я правильно понял? И я сильно надеюсь, что на работу вы устроиться ещё не успели, во всяком случае, официально, так, чтоб

с трудовой книжкой. Есть такие идиоты, кто это сделал? — Миша немного подождал, но все молчали. Идиотов не было. — Ну, тогда все дружно пишем заявление о приёме на работу, задним числом, то есть августом. Поздравляю, вы уже месяц как работаете в нашем институте, не исключено, что за этот месяц вам даже выплатят зарплату. Павлик и Варюха, как обладатели красных дипломов, — ассистентами на кафедре, Рита — лаборанткой, Петруха — программистом. Впрочем, сильно не радуйтесь, как только поступите, уйдёте на полставки, а со следующего семестра мы вас всех уволим. Аверьянычу процент остепенённости держать нужно, иначе кафедре прикрыть могут.

— Какой-какой процент? — заржал Петруха. — Осепенённости? Это чем же вы тут в свободное от работы время занимаетесь?

— Отставить неуместный юмор! — невозмутимо продолжал Миша. — Процент о-сте-пе-нён-нос-ти — это доля преподавателей, осчастливленных учёной степенью, то есть кандидатов и докторов наук. Один из основных показателей работы как кафедры, так и института в целом, между прочим. Так что вашу нагрузку возьмут себе его знакомые профессора, четыре человека по 0,25 ставки каждый. Занятия-то вести, конечно, так и будете вы, только в зачётных ведомостях сами, пожалуйста, не расписывайтесь. Это называется «работать под псевдонимом». Вопросы есть?

— Есть, — подал голос отличник Павлик, недавно осиротевший сын местного профессора Павловского, восходящая звезда ахинематики, как всегда, румяный, пухлый и белобрысый, чем-то похожий на молочного поросёнка и одновременно — на повзрослевшего купидончика. Голосок у него был тонкий, высокий и при разговоре слегка подвизгивал. Поэтому слушать Павлика было, как правило, неприятно. — Кто будет получать зарплату? Тот, кто числится преподавателем по бумагам, или тот, кто действительно ведёт занятия?

— Животрепещущий вопрос. Ну, вообще-то по договорённости. Ты ведь на профессорские надбавки пока ещё не рассчитываешь? Я тебе на всякий случай напоминаю, что кто-то из этих четырёх на твою диссертацию отзыв писать будет, и вообще, все они — члены нашего учёного совета, то есть однажды им придётся за тебя голосовать. Может, за, а может, и против. Голосование у нас тайное. Так что смотри сам. Теперь переходим к сдаче вступительных экзаменов. Экзамен по специальности, будем считать, вы все сдали на «отлично».

Но вашему набору не повезло, потому что с этого года от нас требуют сдавать в отдел аспирантуры листочки с вашими ответами. Там, видите ли, обеспокоились, с чего это знания у всех будущих аспирантов нашего института такие замечательные, — Миша усмехнулся, и все, даже Павлик, усмехнулись вместе с ним, словно бы жалея этих глупых людей, которые не понимают, что каждый научный руководитель хочет обеспечить высокий проходной балл именно своим протеже. В конце концов, чем больше у тебя аспирантов, тем больше тебе платят. — Поэтому сейчас я раздаю вам теоретические вопросы, вы берёте учебники и аккуратно конспектируете те страницы, которые я каждому из вас карандашиком подписал. Потом тянете билетики с задачами и переписываете решение задач своим почерком. Билеты не рвать, грязными руками не хватать, они вам ещё пригодятся, когда кандидатский минимум сдавать будете. Далее, все внимательно смотрим, я оставляю для вас копию протокола за предыдущий год. Вы заполняете точно такую же, только со своими фамилиями. Всю эту лабуду складываете вот сюда, на стол Аверьяныча, да скрепите получше, чтоб ничего не потерялось. Да, ещё профессора Павловского как члена высокой экзаменационной комиссии — вычёркиваем. Павлик, извини, сочувствую твоему горю. Всё, я ушёл, меня нет.

Поскольку Варюхе, как самой аккуратной, доверили заполнять протоколы (Ритуська отказалась наотрез, уверяя всех в своей абсолютной безграмотности), она не без интереса выяснила, что вступительные экзамены в аспирантуру у них принимала высочайшая комиссия, в состав которой входили ректор института, пара его заместителей и все преподаватели факультета, имеющие степень доктора наук. Уже под вечер, дописывая последний бланк, Варюха подумала, что Миша ей, пожалуй, понравился своим юморным отношением к происходящему. Ритуську он не заинтересует, уж больно бесперспективный, что на её языке означает «без отдельной квартиры». А помощь старшего аспиранта в дальнейшем, похоже, не помешает.

– 5 –

Остальные вступительные экзамены прошли далеко не так гладко, как экзамен по специальности, потому что конкурс в аспирантуру, как ни крути, всё-таки был, и конкурс серьёзный. Так что отличные оценки если кому и ставили, то, наверное, по большому

блату. Естественно, для равновесия всем остальным следовало ставить что-нибудь похуже.

Именно этим Варюха объяснила для себя тот факт, что её замечательный, сложный, без единой ошибки английский рассказ о проблемах современной ахинематики, за который ей пришлось отвалиться профессиональному переводчику целых пять сотен рублей, оценили всего лишь на четвёрку, якобы за отсутствие правильного выговора и сильный рязанский акцент. Интересно, чего они хотели? Чтобы мы в России разговаривали на английском с французским прононсом, что ли? Это было тем более обидно, что Варюха честно вызубрила рассказ наизусть, проверяя произношение по словарю. Впрочем, четвёрка по языку ещё не была смертельной. Оставалась философия. И вот тут требовалось подсобиться.

На экзамены Варюха любила приходиться в числе последних, что позволяло, готовя свой ответ, послушать, как спрашивают остальных, и оценить общую обстановку. Ну и, конечно, преподаватель, уже занятый опросом, не так строго следил за использованием «вспомогательных средств подготовки», в просторечии — шпаргалок.

Взяв билет, Варюха тихонько огляделась и нашла своих. Павлик, разумеется, разговаривал гладко, будто по бумажке, и отвечал, похоже, по делу. Это пятёрка, возможно, даже без блата. Ритуська по давней привычке сыпала бессмысленными, но очень гладкими фразами, примерно такими: «Да, это очень интересная проблема, и за последние десятилетия немало учёных ломали над ней головы, отыскивая всевозможные методы её решения. Но, несмотря на это, полного решения не найдено до сих пор, хотя удалось наметить некоторые многообещающие подходы». Варюха, кстати, так и не усвоила этот замечательный метод сдачи экзаменов. Главное в нём было умение говорить монотонно, быстро, достаточно громко и без остановки, в расчёте на то, что экзаменатор на третьей минуте впадёт в оцепенение, а потом, очнувшись, засомневается: а вдруг в этом мутном потоке слов имелось нечто осмысленное? Только, похоже, здешних экзаменаторов этим методом не проймёшь, они и не к такому привычные. Хуже всего выглядел Петруха: лицо каменное, в глазах застыло отчаяние. Почему-то этот весельчак и балагур, бессменная душа компании, перед преподавателями терялся и абсолютно утрачивал дар речи. Ну а знаний у него, разумеется, и не было никогда, тем более — по философии.

Что ж, почитаем свой билет. Первым пунктом шла, как и обещали, чья-нибудь биография. Биографии у Варюхи имелись все, полный набор написанных вчера шпаргалок. Главное — не торопиться и внимательно перечитать то, что собираешься демонстрировать людям. Перечитать и запомнить на случай, если начнут задавать вопросы, забрав к себе листок, якобы для ознакомления. Варюха на таких мелочах давно уже не прокальвалась. Вторая часть билета называлась «сущность любви». Ничего себе вопросик. Кажется, здесь требовалось умение рассуждать, высказать своё мнение и отстоять его в беседе с преподавателем. По крайней мере, так объяснял вчера чей-то аспирант-философ, проводивший консультацию вместо своего начальника. Ну что ж, главное — настроиться. Что я потеряю, если не поступлю? — спросила у себя Варюха. И сама себе ответила: ничего. Придётся какую-то работу искать. Кстати, более денежную, чем в институте. И встала со своего места, решив во втором вопросе исходить из личности экзаменатора и положить на вдохновение.

Экзаменатором оказалась малосимпатичная тётенька средних лет, из тех, про которых говорят «от тридцати до пятидесяти». Проблемы в личной жизни, точнее, полное отсутствие как проблем, так и личной жизни, было просто отпечатано на её недовольном лице, читалось в складках фигуры, в покрое одежды и в манере накладывать косметику. И тут Варюху осенило. Как она сама любила говорить, иногда на неё «нисходило». Это означало, что нужные слова прямо-таки сами собой рождались в голове, знай, успевай выговаривать. Варюха сразу поняла, что симулировать перед этой тётенькой знакомство с современной любовной философией было, очевидно, бессмысленно и бесполезно. Значит, сделаем ставку на неожиданную откровенность глубоко несчастной девушки. К тому же склонной к философским обобщениям.

— Одним из основных свойств любви, на мой взгляд, является её эфемерность, хрупкость и уязвимость. И именно это свойство выходит на первый план в современном мире. Поэтому прежде всего мне хотелось бы поговорить о том, что я принадлежу к поколению, которое не знает любви. Даже если оставить в стороне такие чувства, как любовь к Родине, к науке, к прекрасному, к своему народу: их отсутствие хотя бы можно объяснить историческими и политическими причинами. А ещё — недостатком образования. Даже

если сосредоточиться только на отношениях между мужчинами и женщинами. Мы живём в мире, полностью лишённом любви, как это ни странно звучит. Несмотря на всю нашу раскованность. Секс есть — любви нет. Бывают такие отношения, в которых есть лёгкость, но нет глубины. Они не настоящие. Вот это про нас. Сколько я ни знала семейных пар или просто влюблённых пар среди моих ровесников, всех связывают лишь материальные интересы. Они не любят, а терпят. Такова болезнь современного мира.

Варюха услышала, как рядом замолчала, поперхнувшись, Ритуська. И даже Петруха покосился на неё немного странно: ты что делаешь, идиотка, куда тебя понесло? Варюха и сама испугалась чуть-чуть. Ладно, отступать некуда, раз такая волна пошла, продолжаем. Вспомним Димку и продолжаем. Надо только смущения подбавить. И косить под интеллектуалку, которая много размышляет. Точно.

— Я много размышляла об этом и теперь считаю, что нашу способность любить убила свобода, убили доступность и вседозволенность. Когда всё слишком доступно, это плохо. Наше поколение не знает, что такое мечтать о любви, мечтать о встрече с любимым, ждать, надеяться, представлять себе, что он скажет и как себя поведёт. Для чего ждать, когда есть скайп и мобильный телефон? Зачем надеяться, если любой вопрос можно выяснить тут же, в течение пяти минут? И лишь потом, разочаровавшись в любви, понимаешь, что в детстве, когда мы действительно могли только ждать и мечтать, мы были счастливее. Ведь когда мечтаешь, можно придумать и себя, и его такими, какими я сама захочу. Почему-то наяву всегда выясняется, что реальные молодые люди намного хуже. Проще, грубее, глупее. А самое страшное, что те, кто уже встретил любовь наяву, мечтать о ней больше не могут. Не получается. И, честно говоря, сколько ни было у меня подруг, все до одной говорят одно и то же: мы были бы счастливее, если бы только мечтали о любви, но так никогда её и не встретили. Завидуют неловким и некрасивым, которые надеются на любовь, но до сих пор её не узнали. Намного лучше было бы сохранить все свои иллюзии. Вот такой вывод наше поколение делает из своей жизни. Принято считать, что идеальный научный ум всегда стремится к истине. Но порой истина настолько плоха, что лучше её не знать. И это ещё один вывод из жизни нашего поколения.

Интересно, это очки так блестят или философша и впрямь заплакала? Точно, похоже, что опыта у неё действительно нет и никогда не было, а мечтать-то, поди, горазда. Конечно, личной жизни у неё так и не появится, но, кажется, теперь она будет этим гордиться. Надо же, и психотерапевтом поработать удалось. У Варюхи и у самой слёзы навернулись на глаза, вот что значит методика Станиславского, однако оценку «отлично», которую дрожащей рукой нарисовала ей тётенька, сморкаясь в носовой платок, Варюха всё-таки разглядела. Оставалось только выйти в коридор, сохраняя серьёзное выражение лица. И лишь в коридоре она зашла в беззвучной истерике, краем уха слушая, как кто-то из ребят озабоченно предлагает вызвать «скорую».

В результате всего этого спектакля Варюха с Павликом обзавелись ещё одной пятёркой, Ритуська получила «хорошо», а у Петрухи оказался трояк, с которым шансов на поступление в аспирантуру у него не оставалось никаких, даже если учесть, что проходной балл для мальчиков был ниже, чем для девочек.

И уже намного позже Варюха узнала, что экзамен у неё принимала единственная женщина-профессор философии во всём городе, классическая старая дева во всех смыслах этого слова, знаменитая тем, что ни разу в жизни ни одной хорошенькой девушке не поставила выше четырёх баллов. Наиболее продвинутые специально ходили к ней отвечать с немойтой головой и без косметики, а те, что поталантливее, репетировали особенное выражение лица, известное среди молодёжи как «улыбка недоеной козы». Поэтому пятёрка, полученная Варюхой, сделалась легендой, которую передавали из уст в уста. А сама она ощущала себя, как человек, совершивший свой первый подвиг на пути к заветной мечте под названием «диссертация». Первый, но далеко не последний.

– 6 –

— Алло, да, слушаю! Как сегодня занятия поставили? Мы же договорились, что у вас в техникуме я появляюсь исключительно по субботам. Ну и что, что заболел? Нет, я ничего не обещал. Как это студенты ждут? Ну, значит, подождут.

На кафедре экспериментальной и инновационной ахинематики проходила встреча руководителя с тремя новыми аспирантами.

Игорь Валерьянович, как всегда, совмещал научное руководство с разговорами по телефону, а Миша стоял рядом с ним с отсутствующим выражением лица. Впрочем, встретившись взглядом с Варюхой, он весело сморщился и подмигнул.

— Итак, Вы будете заниматься применимостью метода Ступиделли к трём теоремам Думмкопфа. Это очень перспективная тема, связанная с большим числом инноваций, — сегодня Игорь Валерьянович, надо отдать ему должное, принёс листок с тремя названиями возможных тем диссертации, как бы давая тем самым своим аспирантам право самостоятельно выбрать, кому из них какая достанется. Отговорив ещё раз по телефону, он рекомендовал обязательно прочитать кое-какие книжки, сообщил полученные по пейджеру результаты футбольного матча (название команд Варюха не расслышала, поскольку футболом никогда не увлекалась), велел подписать под каждой темой фамилию аспиранта и составить черновик приказа. Вероятно, на этом месте он хотел благополучно удалиться, но тут некстати вмешался Павлик. На сей раз купидончик встал.

— Извините, Игорь Валерьянович, — Павлик не только встал, но на всякий случай загородил собой дверь, что было уже, строго говоря, хамством. Впрочем, говорил он грамотно и вежливо, этого не отнимешь. — Я бы хотел взять себе другую тему, не из тех, что предлагаете Вы. Дело в том, что весь последний год я работал над проблемой Акыльского в информационной ахинематике, и мне кажется, что здесь очень перспективной будет методика профессора Эхманяна.

— Павловский! — Игорь Валерьянович уставился на Павлика таким взглядом, что у Варюхи закралось смутное подозрение, будто их научный руководитель впервые слышит как про проблему Акыльского, так и про методику Эхманяна. Павлик густо покраснел, но от дверей не отступил. — Темы здесь выбираю я. Своими проблемами можете заниматься в свободное время. А я опаздываю в техникум. То есть уже опоздал.

— Но я думаю...

— Меня не интересует, что Вы думаете. Сначала защитите диссертацию, после этого можете думать. Вы, кажется, не понимаете, что на факультете Ваши выходки пока ещё терпят только из уважения к Вашему покойному отцу. Но всё это до поры до времени.

Выбирайте темы, и упаси вас бог изменить в приказе хоть одну букву по сравнению с тем, что написал я.

Что ж, жёстко, но справедливо. Павлик, по крайней мере, не нашёлся, что сказать, и Варюха надеялась, что студенты техникума всё-таки дождались.

– 7 –

Пользуясь тем, что квартира у Варюхи, как почти всегда в последнее время, была свободна, обмывать новоиспечённых аспирантов собрались у неё. Пришёл даже Павлик, всё ещё расстроенный тем, что тема диссертации оказалась совсем не той, которую он хотел.

— Павлуха, да не кипятись ты, — успокаивал его вездесущий Миша, пока девочки собирали на стол. — Ты что, никогда легенду про вечный двигатель не слышал? Знаешь, почему вечного двигателя до сих пор не существует?

И, поскольку Павлик этого не знал, Миша рассказал им старую аспирантскую байку о вечном двигателе, глупом изобретателе и зашифрованном списке научных тем.

Значит, так. Вечный двигатель изобретали неоднократно, и всегда что-то мешало внедрению этой полезной инновации в наше серое повседневное существование. В очередной раз изобрёл его недавно наш российский дурак. Самоучка, как водится. Псих-одиночка. Изобрёл и принялся соображать, как бы изобретение своё к делу пристроить. А надо сказать, что был он человек необразованный, невоспитанный и от нашей научной жизни весьма и весьма далёкий. Первым делом, разумеется, надо было ему как-то о своём гениальном открытии миру просигналить. А как? В Интернете выставить? Этот фокус прошёл один раз, но с тех пор как давешний умник за интернетовскую статью миллион долларов себе огреб, народ стал настороже. И правда, с какой это стати без докладов да без защит, без публикаций и отзывов миллионы получать? Может, ещё учёные советы все распустить прикажете вместе с ВАКом? С Комиссией нашей Высшей да Аттестационной, которая нам степени да звания присволяет, то бишь присваивает? Нетушки! И теперь за такими махинаторами, кто в Интернете свои научные идеи обнародовать на халяву пытается, строго следят.

Если что — информацию из инета тут же стирают и публикуют в серьёзном журнале под своим именем, чтоб в другой раз чего-либо выставлять неповадно было. Помнишь первую заповедь учёного? Никогда не обсуждай с незнакомцами, да, в общем, со знакомцами тоже, свои неопубликованные работы. Потому что присвоят и глазом не моргнут. А потом с невинной улыбочкой скажут: «Но мы же не знали, как на Вас сослаться. Публикаций-то у Вас нет». Короче, вариант с Интернетом наш дурак, хоть он и дурак, отмёл сразу.

И решил он для начала выступить со своим изобретением на какой-нибудь конференции. Думает, соберётся там куча народу, все учёные, профессора да академики, тут-то и оценят они его мысль гениальную. Ну, нашёл этот горе-недотепа объявление, что, дескать, в тридевятиом институте, на тридесятом факультете конференция состоится интерактивная, высокотехнологичная, про использование научных инноваций в повседневной технике. Ну, решил наш дурачок, самое для меня место эта конференция. Тут тебе и инновация, и использование в повседневной технике, и даже польза для государства очевидная. Заявляется он в тридевятиый институт, на тридесятый факультет, аудиторию находит, про которую в объявлении тоже написано было, и видит, что сидят там три аспиранта, пиво пьют и в карты режутся.

— А где же, говорит, у вас, ребяташки, конференция интерактивная? Очинно уж мне хочется на ней выступить, я ведь вечный двигатель изобрёл, ребяташки.

— А ты, мил-человек, тезисы посылал на нашу конференцию? — отвечали ему аспиранты нетрезвые. — Деньги за публикацию заплатил? Ты что же, хитрый какой выискался, хочешь за бесплатно на конференции выступить, публикацию себе задарма обеспечить? Нетушки!

— Да вы мне только объясните, ребяташки, где у вас профессора да академики заседают, а я уж с ними сам договорюсь, и не нужна мне никакая публикация, мне людям про вечный двигатель рассказать страсть как хочется.

— Ты, чудак-человек, видать, объявление наше читал невнимательно. Конференция-то у нас какая? Правильно, интерактивная. Высокотехнологичная. Люди тезисы свои прислали, денежки за них заплатили и дома телевизор смотрят да чай распивают. Ну

а если что, мы, сам видишь, тут сидим, ждём, может, придёт кто. Только вот, кроме тебя, ещё не было никого, а ты, извини, денег не заплатил. Но мы, если что, участникам телефоны наши оставили, пушай звонят. И радуйся, что сегодня она у нас почему-то не заочная, а интерактивная. Была бы заочная — мы бы тут вообще не сидели. Прислал человек тезисы, деньги заплатил, бац! — и сразу статья. Может, кто-нибудь даже прочитает однажды, с большого бодуна.

Пригорюнился тогда дурак-изобретатель, ну и пожалели его аспиранты, велели в редакцию сурьезного научного журнала идти. Ну, сами знаете, ваковского^[1]. Может, опубликуют там статью про вечный двигатель. Конечно, если денег от души отсыпешь. Бесплатно ведь, сам знаешь, сейчас даже птички не чирикают.

И пошёл дурак в редакцию, журнал выбрал самый что ни на есть ваковский да заслуженный, только название его я вам не скажу. Пришёл он, значит, в редакцию, а там тётенька такая сидит, в возрасте. Хорошая тётенька оказалась, ответственная и, что существенно, уже давно никем не оприходованная. — Варюха, кончай ржать! — Поглядела она на дурака.

— Что ж, давай, говорит, горемычный, свою статью с чертежом вечного двигателя. Если ты деньги готов хоть сейчас заплатить, то, так и быть, опубликуем мы твою статью. Только очередь у нас уже на два года вперёд расписанная, как бы за эти два года кто другой её под своим именем не приголубил. Но даже не это главное. Журнал у нас, сам понимаешь, сурьезный, ваковский, мы что попало публиковать права не имеем. И надо мне для начала твою статью под номер подвести. У нас ведь все науки по номерам расписаны. 01 — это физика с математикой, 02 — химия, 03 — биология, 05 — техника, 14 — медицина, а 08 — экономика и так далее. А в каждом номере ещё свои мелкие номера есть. И каждое научное открытие под какой-то номер подходить обязано, иначе оно уже не научное.

¹ Ваковский журнал — журнал, входящий в так называемый список ВАКа, то есть Высшей Аттестационной Комиссии. В описываемый период правила публикации статей в ваковских журналах были особенно строгими, а публикуемые статьи тщательно проверялись специальными редакторами.

И достала та добрая тётенька из шкафа огромного книжку тяжёлую, где все эти научные нумера записаны, и начала ту книжку листать. И впрямь, как поглядел дурак, все науки у неё пронумерованы, а в каждом номере ещё свой номер имеется, шестизначный, а потом, под римскими уже цифрами, списки научных открытий идут, по каждому номеру Академией Наук дозволенных. Искали они, искали, где же в этом списке вечный двигатель, под каким он номером числится, да так и не нашли. Пылесос, который сам по полу ползает и воздух ароматизирует, в этом списке значится, хотя его ещё и не придумал никто. Ноутбук, который сам владельцу в карман прыгает и трёхмерное кино показывает, тоже есть. Общество, в котором мужикам жениться по восемь раз дозволено, — есть как миленькое. Общество, в котором кругом одни бабы, а мужики по клеткам сидят на посмешище, тоже нашлось. Десять разных вариантов истории государства российского — тут как тут, а вот вечного двигателя нету.

— Нет, — говорит дураку добрая тётенька, — твоего двигателя в моём списке. Не могу я, значит, твою статью опубликовать, и никто не сможет. Разве что в газете какой напишут, они, журналисты, на сенсации падкие, может, даже денег с тебя не возьмут. Да только наши профессора да академики газет-то не читают. А простые люди ничего в твоей статье не поймут, наверное. В общем, не знаю я, как тебе помочь, дурачок, — вздохнула тётенька, подозревая, что ей опять суждено оставаться неоприходованной.

Так и ходит дурак с тех пор по белу свету да мыкается, всё не знает, как бы ему о своём открытии людям сообщить. Да только кто ему даст это сделать-то? Столько народу диссертации защитили да звания получили, когда доказывали, что вечного двигателя нет. А тут вдруг, здрасьте, есть. Что ж теперь, от званий отказываться?

Ну как, понял, Павлуха? Это Валерьянович сегодня ещё добрый был, по-хорошему с тобой обошёлся. Он же темы знаешь какие даёт? Диссертабельные! То есть такие, по которым можно диссертацию защитить. Которые под номер подходят. А интересные они или нет — это дело десятое. Кому нужна интересная тема, если она не диссертабельная? Сначала защитись, а потом умничай. Нельзя членам учёного совета показывать, что ты не глупее их. Не дай бог, обидятся и против проголосуют. Что ты тогда делать будешь?

Павлик вздохнул, но Миша и девочки смеялись так весело, что он тоже решил не портить общего настроения. Приятный вечерок немно-го нарушил только Петруха, который ввалился к ним в двенадцатом часу ночи абсолютно пьяный и, пристально глядя в глаза Ритуське, громко объявил, что у него тяжелейшая язва желудка, что завтра он ложится в больницу, а военком может засунуть повестку себе в... Уточнить, куда именно необходимо засунуть повестку, Петрухе уже не удалось, потому что как раз на этом месте он внезапно заснул.

— 8 —

Преподавательская деятельность Варюхе не то чтобы сильно нравилась, но и не раздражала. Игорь Валерьянович велел ей вести у старшекурсников предмет с хитроумным названием «Имитационные и облачные методы в ахинематике». Методы эти были хороши своей абсолютной ненужностью ни преподавателям, ни студентам, так что Варюха поступила проще простого: взяла свои же собственные конспекты по этому предмету, тихо радуясь, что догадалась в своё время записывать за лектором, и читала всё подряд. Студенты ей не мешали. Правда, не очень приятно оказалось писать мелом на доске, кожа на руках после этого сохла и трескалась так, что никакой крем не помогал. Подумав, Варюха решила обходиться без доски, договорившись с особенно вредными отличниками, что даст им отксерить свою тетрадку почти бесплатно, всего за каких-то три сотни с носа.

Хуже было то, что Игорь Валерьянович, на правах начальника, частенько просил аспирантов заменять его на занятиях, но и здесь имелся свой смысл. Смысл этот Варюхе помог обнаружить всё тот же Миша. В первую же неделю работы он остановил её на выходе с кафедры.

— Слышь, Варюха, ты завтра зачёт принимаешь у заочников, по инновационной ахинематике, так у меня к тебе просьба одна есть.

— Миш, ты что, какой зачёт? Я ж у них не вела. Глянь в расписание, у них сам Игорь Валерьянович лекции читает. Причём эти лекции он действительно сам читал, я даже как-то слышала из соседней аудитории.

— Да он всегда аспирантов просит по этому предмету зачёт принимать, уж больно там зачёт тягомотный. Студенты должны таблицы с расчётами к нам в архив сдать, так что расчёты эти хоть

немного, но проверять надо, а ему самому неохота время тратить. Вот он в ведомости заранее расписывается и просит. А по расписанию у тебя одной окно, так что он точно к тебе подойдёт. Так вот, ты посмотри, кто держится неуверенно, а одет не бедно, и зачёт этому человеку не ставь. Говори, мол, плохо Вы ещё подготовились, Вам бы позаниматься с репетитором. Мы сами не имеем права со своими студентами заниматься, но я Вам могу телефончик дать одного человека. Берёт он, правда, недёшево, зато подготовит наверняка. Да, и студента этого на конец оставь, ну, чтоб он последний в аудитории был, только ты и он, так проще. Если раньше отвечать пойдёт, задачу какую-нибудь дай. Вот тебе визитка с телефоном.

— А чей телефон?

— Мой, разумеется. А с меня сама смотри что. Хочешь — процент от заработанного, хочешь — введение к диссертации.

Варюха задумалась. Ситуация выглядела забавно. Главное, она наконец-то поняла, на какие заработки существует бедный Миша, который целыми днями крутится на кафедре, выполняя просьбы начальника. На работу-то не устроишься. И впрямь, не на стипендию же ему жить?

— Вообще-то лучше введение.

— Ладно, договорились. У меня как раз на такой случай записка имеется.

— Миш, только мне не влетит, что я не всем студентам зачёты проставила?

— Да нет, Аверьяныч всё понимает, он привычный. Да и для деканата лучше, когда не все с первого раза сдают, ну, типа, мы с них каких-то знаний потребовали. Ты, если боишься, главное, в глаза человеку не смотри, когда говорить будешь. Сделай вид, что бумажки на столе перебираешь.

– 9 –

Слово своё Миша, как ни странно, сдержал, введение принёс. Правда, с ходу предложил поставить репетиторство на поток, но только у заочников и только по тем предметам, по которым преподаватели на самом деле проводили занятия. Иначе обиженные и пожаловаться могли. Действительно, как это: лекций не читали, практики не проводили, а зачёт просто так не ставят! Непорядок

получается! Впрочем, по большинству предметов занятия всё-таки проводились, хотя и не в том объёме, который в бумажках значится. Ну да кто из заочников в таких вещах разбирается?

С другой стороны, введение оказалось настолько замечательным, что Варюха готова была этого неизвестного автора просто расцеловать. Когда Игорь Валерьянович отметил трудолюбивую аспирантку на заседании кафедры, Варюха притащила торт и заманила Мишу в лаборантскую на чай. Ей было любопытно.

— Миш, а ты откуда введение взял? Меня за него на заседании кафедры так хвалили, Павлик чуть не заплакал. Только там в самом конце почему-то фраза такая странная. «В завершение хотелось бы выразить благодарность моему научному руководителю за заботу и трогательное отношение ко мне. Кроме того, следует отметить его инновационные методы работы с аспирантами, свидетельствующие о яркой голубизне его цвета». Я эту фразу, конечно, убрала, но откуда она вообще взялась?

— Ну ты даёшь, Варюха! Это введение вместе с благодарностью прошло через десяток диссертаций. Его, как письмо счастья, из рук в руки передают, и каждый аспирант к нему что-то своё дописать должен, потому-то оно такое объёмное. А фраза в конце — это своего рода тест: читает научный руководитель твою работу или не читает. Ты, может, внимания не обратила, но эта фраза очень хитро внутри абзаца запрятана. И знаешь, до сих пор, говорят, никто не заметил. Хотя в твоём случае голубизна, конечно, не в тему. Ты это введение тоже кому-нибудь отдай, только не в нашем институте, а ещё лучше — не в нашем городе. Вот поедешь куда-нибудь в командировку — и отдай. И про голубизну обратно вставь, нельзя традицию нарушать.

— Ты что, всерьёз думаешь, что Игорь Валерьянович меня в командировку куда-нибудь пошлёт? Он же говорил, что хватит выступлений и в нашем институте, дома, так сказать. И совет тоже местный, домашний.

— А вдруг он тебе оппонента из другого города найдёт? Нехорошо, когда все отзывы на твоё научное открытие своими людьми подписаны, подозрительно это. Даже, вон, на защиту дипломов всегда чужого кого-нибудь зовут, а диссертация-то важнее.

Варюха в который раз задумалась над красивым и странным словом «оппонент». Судя по названию, это человек, который должен воз-

ражать против её диссертации и находить в ней всяческие недостатки. Но, насколько Варюха уже успела понять, оппоненты всегда писали положительные отзывы, произносили хвалебные речи и голосовали «за». Оппонентов по давней традиции обязательно было двое. Кстати, — Варюха и это знала — раньше считалось, что для того чтобы объявить человека сумасшедшим, тоже нужны два врача.

– 10 –

— Алло, зайчишка? Ну как у тебя сегодня дела? В магазин съездила? Хорошо, я приеду и расплачусь, целую, — в конце октября руководитель поставил перед аспирантами новую творческую задачу.

— Я извиняюсь, но мне срочно надо уезжать, поэтому я буду краток. Надеюсь, вам известно, что в нашем институте каждый год, весной, проводится научно-практическая конференция по ахинематике. Вам необходимо подготовить тезисы по вашим темам, набрать, отпечатать и дать мне для ознакомления. Каждый формулирует ту гипотезу, о которой мы говорили в прошлый раз, в применении к своей научной теме и утверждает, что первоначальная серия экспериментов эту гипотезу подтвердила. Организационные подробности объяснит Михаил. Напоминаю, что у аспирантов первого года обучения соавтором каждого из докладов буду я. Вопросы есть?

— Вы будете выступать вместе с нами? — как всегда вылез Павлик.

— Ну, если возникнет необходимость, я поучаствую в дискуссии. Алло? Привет, старик. Я сейчас еду домой, через час буду у тебя. Так, Павловский, прочитаете сегодня вместо меня лекцию у заочников.

— Игорь Валерьянович! А если я не смогу? Вообще-то у меня были другие планы на вторую половину дня.

— Вы хотите сказать, что для Вас сложно прочитать заочникам лекцию?

— Нет, не сложно, но я не понимаю, почему я должен делать это бесплатно. И почему эта задача так сложна для профессора и доктора наук.

Аспиранты замерли. Похоже, Павлик сегодня зарвался. Даже Игорь Валерьянович, обычно невозмутимый, слегка побледнел

от злости и хотел что-то ответить, но тут у него опять зазвонил телефон.

— Алло, зайчишка? Да, разогревай, я уже еду.

Как только дверь за начальством закрылась, Миша обернулся к Павлику и покрутил пальцем у виска.

— Ты что, брат, офонарел? Если тебе так уж неважно, пиши срочно свою диссертацию и защищайся поскорее, ты ведь у нас гений. Или отказывайся пожалостливее, болею, мол, я, к врачу надо. Аверьяныч только с виду такой приветливый, учти, он тебе здорово навредить может.

Несчастный Павлик надулся. Гордое выражение лица всё-таки давалось ему с трудом.

— Понимаешь, Миша, я наукой заниматься хочу. Настоящей, великой и бессмертной, в отличие от вас всех. А для этого мне нужна чистая совесть, — умильнее всего в Павлике было то, что известную старую хохму он рассказывал вполне серьёзно, да ещё и своим тоненьким, визгливым голоском. — А после того как Игорь Валерьянович на меня свои дела спихивает и я не смею ему возразить, мне противно делается до одури, в зеркало на себя смотреть противно, не то что о науке думать. Поэтому я и стараюсь отвечать ему, хотя бы время от времени.

Ну тут уж все поголовно онемели. Первым очнулся Миша, как самый старший.

— Павлик, дорогой мой, я тебя умоляю. Скажи наркотикам нет! Великим и бессмертным ты займёшься после докторской, если желание не пропадёт. А пока валяй ту же фигню, что и все. Закалки у тебя пролетарской не хватает, понимаю, нас-то со школы гнули, мы привычные, а у тебя папа был, и теперь тебе пока ещё тяжело. Но ничего не поделаешь. Пиши тезисы, как велено. Ладно, дальше вы, женская молодёжь. Напоминаю, что для успешной защиты диссера вам необходимо иметь как минимум три публикации и несколько апробаций. Трижды выступите на нашей домашней конференции, по одному разу в год, это и будет считаться апробацией. Вы не поверите, но вам реально придётся выступать, то есть стоять у доски, махать руками и разговаривать. И если в ваши гениальные мысли вкралась какая-то очапетка или, хуже того, ошибка, участники конференции вам об этом обязательно просигналят. Это раз. Тезисы представляют собой полстранички, набранные на компьютере, пра-

вила оформления текста — вот в этом журнальчике. Пишите всё, как велел Аверьяныч, гипотеза, мол, подтвердилась. Это два. За участие в конференции платите по 150 рублей через кассу, это со скидкой. Чужие, кстати, по 300 платят. Это три. Подписываете отказ от всех авторских прав в пользу института, это четыре. В качестве светлого будущего вас ждут ещё две статьи в нашем местном журнальчике, статьи сварганите из тезисов, только они должны быть чуть побольше и выйдут чуть подороже, примерно по тыще рублей с носа. Ну а про главную статью, которая в ваковском журнале появится, думать пока не положено, это уже дальний горизонт планирования.

И Варюха с Ритуськой сели писать тезисы. Промучавшись с полчаса, решили поступить обычным способом, то есть взять журналы за прошлые годы и содрать оттуда, перемешав слова из разных статей. Ну и добавив что-то своё, конечно. Сложнее всего было сформулировать гипотезу Игоря Валерьяновича так, чтобы у Варюхи и у Ритуськи она выглядела по-разному. О подтверждении они всё равно ничего сказать толком не могли, потому что в лаборатории целыми днями сидел Павлик, у Варюхи даже возникло подозрение, что он всё-таки потихоньку занимается там своим Эхманяном. Девушкам рядом с ним места уже не находилось. Да и не до экспериментов им было, и так работы по горло.

На следующий день Варюха наблюдала прелюбопытную картинку: Павлик заловил начальство в аудитории, где начальство изволило принимать экзамен. Что ж, вполне разумно. Уйти Игорь Валерьянович с экзамена не может, да и телефон, наверное, выключает. Вот и пришлось с кислой миной глядеть на замурзанный листок, который ему совал под нос Павлик. Варюха прислушалась из-за дверей.

— Игорь Валерьянович, мои эксперименты Ваши выводы не подтверждают. Я бы не стал оформлять их в виде тезисов. Давайте подождём более точных результатов, а я могу выступить на конференции по другому вопросу.

— Павловский, я Вас, кажется, предупреждал, никакой самостоятельности. Я подозреваю, что Вы тайком занимаетесь другой научной темой и собираетесь впоследствии поставить меня перед фактом, чтобы я изменил Вам тему диссертации. Так вот, даже не надейтесь. Пишите то, что велено, через три месяца докажете, результат-то всё равно правильный, я гарантирую. Да, гипотеза верна, я уверен.

Через четверть часа, проходя мимо аудитории, Варюха наблюдала, как теперь уже Павлик с кислой физиономией подписывает какие-то бумаги, а Игорь Валерьянович, с отсутствующим выражением лица, быстренько подсовывает ему эти бумаги одну за другой. Варюха вспомнила разговоры о том, что Игорь Валерьянович вместе с Павликом участвуют в престижном гранте, попросту говоря, ведут хорошо оплачиваемую инновационную разработку. Только что-то лица у обоих недовольные.

Да, похоже, что научная работа у Павлика не задалась.

– 11 –

Варюха постаралась как можно ближе подружиться с Мишей. Симпатичный даже и сам по себе, он иногда напоминал ей бездонное справочное бюро, в котором можно было получать сведения обо всём и обо всех в институте. Миша был в курсе всех сплетен, всех тайных интриг и подводных течений, он мог без конца рассказывать, кто с кем, когда и почему, со всеми подробностями, неизвестно, правда, настоящими или вымышленными. Чему удивляться, ведь Миша дневал и ночевал в институте, практически жил на кафедре. Впрочем, говорили, что ситуация у него дома была не из лучших. К тому же так проще застать Игоря Валерьяновича, поскольку он имел обыкновение опаздывать на все встречи, в лучшем случае — на полчаса, в худшем — часа на четыре. На кафедре к этому давно уже привыкли, воспринимая его опоздания как своеобразную демонстрацию превосходства: помните, дескать, кто вы и кто я. Да и приятно, наверное, когда ты опаздываешь на полдня, а тебя всё равно ждут. Но в результате караулить начальство лучше всего было с утра до вечера, а если не жалко — то и с вечера до утра.

Первым делом Варюха решила побольше узнать у Миши про своего новоявленного начальника. Как-то раз, когда они уже собирались уходить после очередной консультации Игоря Валерьяновича, как обычно, щедро сдобренной разговорами по телефону, Варюха попробовала сориентироваться хотя бы в ситуации с личной жизнью.

— Миш, что-то он нас уж совсем не стесняется. Я понимаю, когда про дела по телефону говорят, но зачем он при нас с любовницей общается? Он не боится, что кто-то из наших жене донесёт?

— Ты про зайчишку, что ли? — усмехнулся Миша. — Да ты что! Это ж и есть жена его новая. У, знала б ты, какая там жена! Насколько я знаю, числится где-то у нас в институте, в какой-то хитрой конторе. На работу, естественно, не ходит, не царское это дело, ножки наши нежные топтать да ручки белые поганить. Но получает побольше нас с тобой вместе взятых. Нет, Варюха, в отношении баб он мужик порядочный, тут вам с Ритуськой, можно сказать, повезло. Вот профессор Слэлэбидзе, тот да. Ни одной юбки, говорят, не пропускает. Так наукой с аспирантками занимается, что аж шерсть во все стороны летит. И ведь годы его не берет, даже завидно.

Действительно, у профессора Слэлэбидзе репутация в отношении женского пола была дурная. Варюха с неудовольствием вспомнила некоторые обстоятельства работы над своим красным дипломом. Как выяснилось прошлой зимой, ей надо было исправить пару оценок и как раз по тем предметам, которые вёл этот профессор с трудной кавказской фамилией. И всё бы ничего, но он настолько беспечно относился к своим приключениям, что потом по результатам экзаменов Варюхе ещё и лечиться пришлось, за свой счёт, разумеется. И с Димкой срочно расставаться, чтобы он ничего не узнал и не опозорил её на весь институт. Точнее, пришлось повернуть дело так, чтобы Димка её как бы сам бросил. Ладно хоть, сейчас лечат анонимно, плати — и вперёд, без всякой огласки. И хорошо, что у неё был всё-таки не СПИД.

— Миш, а правда, что Слэлэбидзе во все командировки с собой обязательно аспиранток берёт?

— Во-первых, не аспиранток, а аспирантку, то есть всегда только одну. Не забывай, что он всё-таки уже старенький, куда ему больше-то? Во-вторых, у его аспиранток это за особую честь почитается, научного руководителя сопровождать. Кто чаще с ним ездит, тот быстрее защищается. В-третьих, мужчина он ещё вполне симпатичный и, как говорят, в этом деле вполне ничего, видать, опыт сказывается. Наконец, в-четвёртых, должен же кто-то ему постель согревать. Сама знаешь, как скверно топят у нас в гостиницах, так и воспаление лёгких недолго подхватить. Простудился — и привет, ни профессора, ни защиты диссертации. Так что в их интересах по командировкам ездить, трудовую вахту во славу науки нести.

По настоянию преподавателей женского пола на кафедре экспериментальной и инновационной ахинематики уже много лет назад выделили закуток для переодевания, составив высокие шкафы для одежды так, чтобы они закрывали один из углов. Позже на одну из стен повесили большое зеркало, кто-то приделал полочку для косметики, кто-то принёс набор ниток и рожок для обуви. Короче, получилась своя туалетная комната. Мужчин туда не пускали.

Однажды в феврале, за пару дней до научно-практической конференции, Варюхе пришлось надолго задержаться за шкафом, зашивая некстати порвавшийся карман. И она невольно сделалась свидетельницей прелюбопытной сценки. Во-первых, в пустое помещение кафедры буквально вломился пухленький Павлик, чуть не раздавив своим немалым весом выдавший виды казённый стул. Во-вторых, за ним вошёл разъярённый Игорь Валерьянович. Наблюдая из своего укрытия, Варюха увидела непривычно белое и злое лицо начальника и впервые подумала, что выражение «побелел, как бумага» не лишено оснований.

Сегодня розоватый Павлик как никогда походил на купидончика, но такого заплаканного, будто у него отобрали лук и стрелы и сообщили, что стрелять больше не разрешается. Игорь Валерьянович держался холоднее, чем всегда. Как обычно, он всё время отвечал на телефонные звонки и читал приходящие на пейджер сообщения, иногда вслух. Впрочем, Варюха потихоньку стала подозревать, что он специально организует и звонки, и сообщения, уж очень вовремя они обычно поступали. А разговор понемногу принимал такой оборот, что Варюха в глубине души тихо радовалась, что собеседники не знают о её присутствии. Она решила, что логичнее будет дослушать этот диалог из укрытия. В целом беседа протекала примерно так.

Игорь Валерьянович: Я Вас слушаю, Павловский. Да, але? Да, я сейчас буду, уже выезжаю. Немного опоздаю, подождите. Да, я сейчас. Павловский, что у Вас ко мне? Вы подготовили выступление на конференции?

Павлик: Игорь Валерьянович, я хотел Вам сказать, что я не могу выступать. Мне не удалось подтвердить Вашу гипотезу, о которой было заявлено в тезисах.

Игорь Валерьянович: Вам удалось её опровергнуть?

Павлик: Нет, но...

Игорь Валерьянович: Тогда выступайте и не отнимайте у меня время, мне срочно надо уезжать. Але? Это ты, дорогая? Зайчонок, я сейчас за город, срочное дело, вернусь часа через два, жди. Ух ты, надо же! На чемпионате наши чехам шайбу забили, только что сообщение на пейджер пришло. Павловский, у Вас что-то ещё?

Павлик: Простите, но Вы же сами опоздали на два с половиной часа! Я Вас здесь жду с двух часов дня.

Игорь Валерьянович: Павловский, Вам не кажется, что Вы не вправе указывать мне, куда я должен ездить и что делать? Если я опаздываю, значит, не без причин. Але, ты откуда звонишь? Со стройки? Едешь? Слушай, плохо слышно, доедешь — перезвони! Хорошо, Павловский, я Вас слушаю, только короче, ради бога.

Павлик: Мне не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть Вашу гипотезу. Во-первых, Вы велели мне сослаться на третью теорему Думмкопфа, но она до сих пор не доказана! Во всяком случае, я нигде не смог найти её доказательства или хотя бы ссылку на него. Честно говоря, я хотел спросить, в какой работе Вы нашли формулировку этой теоремы, тогда мне будет легче разыскать её доказательство.

Игорь Валерьянович: Доказательство? Вы что, математик? Ну, название работы я сейчас не помню. Но теорема точно правильная. Ищите! Да, алло? Я оплатил, могу показать товарный чек. Что это ещё за новости? Как до сих пор не доставили? Слушай, я сейчас не могу говорить, перезвони сначала им, потом мне.

Павлик: Кроме того, Игорь Валерьянович, я считаю, что мы не имели права применять в этой ситуации принцип Ступиделли, это некорректно, я не могу гарантировать независимость испытаний. А без него никаких результатов всё равно что нет.

Игорь Валерьянович: Хм, прислали прогноз погоды. Обещают похолодание, как не вовремя... Результаты будут. Сообщите на конференции то, что написано в тезисах. Или Вы собираетесь кому-то объяснить, что подали непроверенные тезисы? Извините, но мне пора.

Павлик: Да Вы что! Игорь Валерьянович, извините, но Вы никуда не уйдёте, я Вас не пущу! Это Вы заставили меня подать непроверенные тезисы, Вы обещали, что за эти три месяца результат будет. Но его же нет! Как я могу теперь выступать? Как хотите, но я снимаю доклад.

Игорь Валерьянович: Павловский, Вы с ума сошли? Снять доклад — это скандал на весь институт. Але! Ну как, дозвонился? И чего говорят? Ага, всё-таки выслали? Ну слава богу. Але, зайчонок? Ты из дома? Значит, так. Я тут немного задерживаюсь, ты меня не теряй. Павловский, перестаньте сверлить меня взглядом! Кажется, Вы забыли, что профессор Павловский, увы, скончался и больше не будет прикрывать Ваши детские выходки. Если Вы позволите себе какое-нибудь хулиганство, я откажусь от научного руководства и Вам придётся уйти из аспирантуры. Я вам не позволю выпендриваться передо мной! Не забывайте, что я оформил Вас одним из исполнителей по гранту, ни один другой аспирант о таком даже не мечтает! И что я должен писать в отчёте для фонда МФА? У Вас количество публикаций до нормы не дотягивает! Прикажете теперь тезисы вместе с выступлением на конференции из отчёта выкинуть? И сообщить фонду, что они неверны?

Игорь Валерьянович говорил настолько убедительно, что Варюха даже восхитилась им. Как всё-таки много зависит от интонаций в голосе, от умения выдерживать этот тон благородного негодования. Вся кафедра прекрасно знает, что Международный Фонд Ахинематиков, сокращённо МФА, выделил грант, то есть, попросту говоря, дополнительную стипендию, которую государство иногда платит учёным, именно из-за Павлика, потому что Фонд создан для поддержки молодых многообещающих учёных, а Павлик как раз и молодой, и многообещающий. А ещё ходили смутные слухи, смутные, потому что Павлик после смерти отца мало с кем в институте общался, будто никакого гранта он на самом деле не видит, все деньги забирает себе Игорь Валерьянович. Правда, именно Игорь Валерьянович составляет отчёты. А участие в гранте — в любом случае большой плюс к научной репутации... Павлик как-то беспомощно озирался, и впервые его пухлые губки постарались принять решительное выражение. Интересно, лужица под партой не образовалась от напряжения? Он смял бумажки, которые всё это время держал в руках, и бросил в корзину. Кажется, даже попал.

Павлик: А если всё-таки тезисы неправильные? Над нами же смеяться будут! И над Вами в том числе. Между прочим, доклад у нас совместный, и Вы считаетесь моим соавтором. Так что Вы имеете полное право выступить, а я выступать не буду. Извините.

Игорь Валерьянович: Павловский, у Вас мания величия. Кто будет над Вами смеяться, кому Вы нужны? Правильные у Вас результаты, я уверен, что правильные. Вот чёрт, и так уже опоздал. Да, из-за Вас чуть не забыл. — Варюхе с её наблюдательного пункта было видно, как он быстро поставил подписи на какой-то бумаге и убрал её в папку «подписано». — Але, привет! Это я. Ну как у тебя дела?

Павлик: Игорь Валерьянович, я подам заявление об уходе из аспирантуры. И подробно укажу все причины, по которым я не могу с Вами работать.

Игорь Валерьянович: И кого Вы думаете этим напугать?.. Да нет, это я не тебе. Всё-всё, уже выхожу!

Убедившись, что дверь действительно хлопнула, то есть Павлик остался один, Варюха наконец-то выглянула из своего укрытия. Впрочем, Павлик даже не заметил её, занятый своими мрачными мыслями. Кажется, он по-настоящему плакал. «В армию ведь пойдёшь, дурак!» — хотелось крикнуть Варюхе, но она вовремя прикусила себе язык, потому что в голову ей пришла новая мысль, как потом выяснилось, почти что гениальная. Стоило только Павлику, в свою очередь, выскочить за дверь, никого и ничего не заметив, как Варюха открыла папку «подписано». Ей ещё ни разу не приходилось подписывать один и тот же документ несколько раз подряд, причём почти в одном и том же месте. Интересно, в чём здесь дело?

В папке лежал график отпусков для сотрудников лаборатории философского макетирования. И неудивительно, что Игорь Валерьянович расписался за всех, кроме заведующего лабораторией. Варюха уже довольно хорошо знала членов его семьи. Жена, которая не стала менять девичью фамилию, числилась лаборантом. То-то на факультете сплетничали, что она якобы трудится в каком-то хитром месте, где и на работу ходить не надо, и деньги платят, и стаж идёт. Сын-программист от первого брака и замужняя дочь, по документам методист-администратор. Здорово. Интересно, чем может заниматься такая лаборатория? Должны же они составлять какие-то отчёты. Хотя отчёты, несомненно, сочиняет начальник, единственный, за кого Игорь Валерьянович расписываться не стал. Вероятно, тот умел писать сам. Варюха обратила внимание на то, что фамилию начальника она уже где-то видела, и никакого отно-

шения к философии эта фамилия не имела. Ах, да. Аспирант Ким, таинственный аспирант, которого никто не видел, потому что он вроде бы из другого института, и Игорь Валерьянович всегда назначает ему встречи там.

Значит, этот аспирант блатной и защитится наверняка. А если он не один такой? Варюха слышала сплетни насчёт рекомендуемого процента защит. Когда слишком мало аспирантов защищает диссертации, это плохо, это минус для их руководителя. Но и слишком много защищённых — тоже плохо. Правда, сейчас, без Павлика... Точно, Павлик!

Варюха достала из корзины скомканные листочки. В конце концов, задачи у них с Павликом похожие, и даже доклады называются почти одинаково, только у неё вторая теорема Думмкопфа, а у Павлика третья. Поскольку сложность теорем, судя по всему, возрастала вместе с номером, Павлик взял себе самую последнюю, а первую отдала Ритуське, которая вовремя пустила на этот счёт слезу. Свой доклад Варюха, кстати, так толком и не подготовила. Записи Павлика, пусть и неправильные, могли ей пригодиться, тем более что Павлику они всё равно больше не нужны. Кстати, он пытался использовать принцип Ступиделли как-то по-своему, иначе, чем предлагал Игорь Валерьянович. И, кажется, намного интереснее. Нельзя ли сделать то же самое не с третьей, а со второй теоремой? Похоже, что можно...

Игорь Валерьянович опоздал на встречу с Павликом в 14:00, а про Варюху, которой назначал на 14:30, то есть на полчаса позже, чем Павлику, похоже, и вовсе забыл. И вряд ли вспомнит до послезавтра, слишком много у него проблем со строителями. Да и зайчонок беспокоится.

Поменять местами вторую теорему Думмкопфа и третью. Метод будем считать обоснованным. Всё равно лабораторию по утрам стабильно занимал Павлик, другие аспиранты даже не пытались отвоевать у него эту привилегию. Наконец, по какому-то наитию, она заменила 120 независимых экспериментов на 150. Ей показалось, что 120 — это слишком мало.

Уже дойдя до дверей, Варюха, внезапно для себя самой, широким шагом вернулась к столу, достала из папки график отпусков и убрала к себе в сумочку. Ничего, новый составят и подпишут. Игорь Валерьянович сегодня был в таких нервах, что вполне мог

его потерять. В крайнем случае под подозрение попадёт Павлик, ведь бумагу Игорь Валерьянович подписывал именно у него на глазах. А лишний документ всегда может пригодиться, тем более такой интересный.

Вдруг откуда-то из глубин памяти выплыл неприятный скрипучий голос: «А скажите-ка мне, голубушка, какие испытания называются независимыми?» Да, четыре года назад этот вопрос обошёл ей в половину повышенной стипендии. Оставалось надеяться, что на конференции специалистов по независимым испытаниям не окажется.

– 13 –

Казалось, что никогда, даже на вступительных экзаменах в институт, Варюха не волновалась так, как в день конференции. Ей предстояло читать неправильный доклад, более того, фактически чужой доклад. Проснувшись утром в день конференции, она с ужасом подумала, что Игорь Валерьянович наверняка догадается. Хорошо, если не подаст виду при всех. А остальные? Ну, Миша свой, Ритуська не в счёт. Она, бедная, вообще не знает, о чём говорить, вчера целый день платье себе выбирала и причёску делала, надеется, что мужики все как один на её ноги уставятся и ни одного слова не услышат. А потом наплевала на холодную погоду и достала свою любимую прозрачную кофточку, верную спутницу на самых сложных экзаменах. Замечательная кофточка была хороша тем, что позволяла рассмотреть всё, что в приличном обществе принято закрывать. А посмотреть, признаемся честно, у Ритуськи было на что. Варюха же должна была выступать сразу после неё, и дважды повторять один и тот же трюк она уже не решилась. Да и фигурой Варюха похвастаться, увы, не могла. По сравнению с Ритуськой, конечно. Между тем на конференции будут все профессора с их факультета. И все аспиранты. Что-то такое Миша говорил об апробации. Ага, если ошибка есть, то её наверняка заметят. А ошибка, наверное, есть. Если верить Павлику, а не Игорю Валерьяновичу. Уже на входе в институт Варюху посетила ещё одна страшная мысль: а если на конференцию придёт Павлик? И она даже подумала, не поскользнуться ли ей на входе. Так, чтоб ногу сломать. Или хотя бы вывихнуть. Но отступить было некуда. И вот

тогда Варюхе впервые показалось, что её душа раздваивается: одна часть переодевается на кафедре, здороваётся с коллегами, шутит, входит в аудиторию, где заседает их секция, ждёт своей очереди и обречённо шагает к доске. А вторая часть, настоящая, наблюдает за всем этим с любопытством постороннего существа. Конечно, скучный фильм и занудный, но почему бы его не посмотреть, если заняться всё равно нечем?

— Таким образом, проблему... удалось решить, — на удивление уверенным голосом закончила она своё выступление. Поднять глаза на Игоря Валерьяновича оказалось сложнее, чем она это себе представляла. Но Игорь Валерьянович на неё не смотрел, занятый, как всегда, своим телефоном.

— Ну что, есть вопросы? — с привычным равнодушием спросил старый и очень заслуженный профессор Плюстилолль, возглавлявший секцию. Вопросов не было. — Ну, тогда у меня к Вам такой вопрос. Сформулируйте, пожалуйста, ещё раз Вашу гипотезу, я плохо её расслышал. Глуховат стал в последнее время. И расскажите нам немного про Вашего Ступиделли, а то мы даже не поняли, мужчина это или женщина.

Гипотезу Варюха сформулировала. Про Ступиделли сказала, что мужчина, хотя сама точно не знала. Положила на место мел, вернулась за свой стол. Села. И только тогда до Варюхи, наконец, дошло, что ни научный руководитель, ни заслуженный профессор Плюстилолль и вообще никто из присутствующих не понял, что её результаты содержат ошибку, ту ошибку, о которой что-то говорил Павлик своим противным голоском. Но Павлика здесь не было. Может, всё-таки он был неправ? А Игорь Валерьянович даже не догадался, что доклад она читала чужой. Как такое могло получиться? Делая вид, что слушает следующих докладчиков, Варюха вспоминала старую хохму о том, что специализация в среде учёных скоро достигнет своего максимума, и все учёные будут делиться на две главные категории: первая категория учёных умеет читать, а вторая — писать. Они не специалисты в этой области, вот в чём дело. А неспециалисту сложно за пять минут доклада что-то в нём понять.

В волнении Варюха не заметила того, что не ускользнуло от внимания других участников конференции: пока выступала Ритуська, старый профессор Плюстилолль не сводил с неё, точнее, с её круглых коленок, заинтересованных глаз. Очевидцы потом рас-

сказывали, что он несколько раз порывался поднять глаза немного выше, но всякий раз опускал, словно предчувствуя надвигающийся апоплексический удар. А когда все стали расходиться, он подошёл к Ритуське с каким-то научным вопросом, и из аудитории они выходили уже вдвоём.

– 14 –

Миша хохотал до упаду. Наконец, утирая весёлые слёзы, он спросил:

— Ты что, совсем дура? Да никто тебя и не слушал вовсе, нужен им твой доклад. Ты вокруг-то смотрела? Кто у нас в аудитории сидел? Правильно, студенты, которых с занятий по военному делу сняли и на конференцию отправили, потому что ректор приказал посещаемость обеспечить. Начальника военной кафедры в углу не заметила? Это он следил, чтоб никто не сбежал раньше времени. Думаешь, он тебя слушал внимательно и ошибки искал? Он записывал, кто в туалет отпросился и сколько времени отсутствовал. Ответственный мужик, полковник, между прочим. Аспирантам тоже твой доклад ни к чему, им бы свой оттарабанить без запинок. Да и разве можно за пять минут вот так сразу понять, права ты или нет? Это надо в лаборатории у тебя за спиной постоять, когда ты эксперименты проводишь, все черновики твои перечитать внимательно, и не один раз. А так, когда конечные и очень общие результаты по-быстрому докладывают, разобраться сложно, даже если сильно захотеть, только не хочет никто. К тому же из наших профессоров треть почти слепых, они твои слайды не видели, вторая треть — глухие, даже если в жизни не признаются, а остальные — и то, и другое одновременно. Ты про их возраст вспомни! Разве что руководитель секции, вот тот слушал, так как должен хоть один вопрос, но задать обязательно. Да только он в твоей теме не понимает ничего, у него другая специализация. Наш Аверьяныч, конечно, помоложе их всех, да и в теме как-никак разбирается, но он же все три часа СМС-ки какие-то пересылал, не заметила? Проблемы у него в последнее время, то ли с зайкой, то ли со строителями, точно не знаю. Он ведь дом загородный отделявает, совсем в стройке увяз. Да и если он все работы своих аспирантов читать будет, он же с ума сойдёт, раз и навсегда. Плевать ему и на твои тезисы, и на Павлика

с его дурацкими идеями. Некогда ему, понимаешь? Не бойсь, на твой замечательный доклад ещё сослаться будут.

— Миш, я же не нарочно, я так испугалась, что скоро аттестация аспирантов, надо отчёт писать, а у меня ничего не готово, вообще ничего. Миш, но это же считается апробацией. Я как бы от них одобрение получила. А если эти неправильные результаты кто-то использует?

— Ну так флаг им в руки! Да и кому она нужна, по сути дела, твоя ахинематика? Не дрейфь, ты что ли одна такая на белом свете? Люди и в более важных вещах ошибки допускают. Думаешь, с чего это у нас то электростанция взорвётся, то корабль пропадёт, то ракета вместо Марса куда-то на Америку падает? И вовсе ещё не факт, что твои результаты неправильные. Аверьяныч считает, что всё нормально, сама ведь слышала. Варюх, тебе расслабиться надо. Давай-ка выпьем и забудем про науку, ну её к чёртовой бабушке!

Расслаблялись почти что до утра, и в тот момент, когда рука Миши осторожно скользнула под брючный ремень, затянутый на её талии, Варюхе почудилось, что теорема Думмкопфа, как вторая, так и третья, сделалась ей ближе и понятнее, а принцип Ступиделли показался совсем простым.

– 15 –

Ритуська пришла в гости дня через два, ворвалась без приглашения и на Варюху внимания не обращала вообще, словно Варюхи рядом с ней и не было. Похоже, ей попросту до зарезу приспичило выговориться, всё равно, перед кем. Как оказалось, её отношения со старым профессором Плюстилоллем зашли гораздо дальше, чем можно было ожидать.

— Варька, он меня замуж зовёт! Представляешь? Говорит, я на его жену похожа фотографически, в смысле, когда она молодой была, как мы с тобой сейчас. И я подумала, Варюх. Ну и что, что старый? Знаешь, какая у него квартира? Я в такой не то что не жила никогда, я в такой даже в гостях никогда не бывала! И он там один совсем, представляешь? Я думаю, это даже хорошо, проще, когда со взрослыми детьми ничего делить не надо. А я диссертацию теперь писать не буду, я так ему и сказала, что хочу дома сидеть и уют ему создавать, ну, знаешь, все условия. Я это умею. А ему уют нужен,

знаешь, как он настрадался один? Я, может, больше пользы принесу для науки, если ему готовить как следует буду и всё такое прочее. А то видела я его домработницу! Даже не представляешь, что за чучело! Он только боится, что над нами смеяться будут. Но я думаю, что это ничего, если любовь настоящая. Ох, Варька... Тебе-то хорошо, у тебя квартира своя. И родители всё-таки хоть чем-то помогают. А я больше не могу в общежитии. А он меня, если захочу, на работу устроит. На хорошую, не полы в чужих подъездах мыть. Я же всё-таки с образованием. Он вообще говорит, что у меня вкус очень тонкий, как у его покойной жены. И диссертацию сделает, если попрошу. Он сказал, что я замечательно на конференции выступала, в самую суть задачи заглянула. А Петруха что? Призвали его, наверное, в армию — и нет Петрухи. Ни денег, ни перспектив. А женщине сильное плечо надо, знаешь, как я устала одна. Я ведь не такая, как сейчас бывают, самостоятельные. Мне защитник нужен. Я вот только думаю, стоит ли рожать? С одной стороны, тогда-то он уж точно никуда от меня не денется. Я ведь понимаю, это сейчас у него любовь такая безумная, а потом что? С другой стороны, кто его знает, когда он помрёт. Старый ведь всё-таки. А я одна с ребёнком останусь. Надо бы про детей его получше узнать, совсем скандальные или не очень. Ох, Варька, легко тебе...

Свадьбу сыграли тихо, в узком кругу, но с цветами и шампанским. И только тогда до Варюхи дошло, что из всех аспирантов этого года у Игоря Валерьяновича осталась она одна. Ну, не считая тех, кто по благу. Интересно.

– 16 –

Вскоре после того, как Павлик забрал документы из аспирантуры, Игорь Валерьянович вызвал Варюху к себе на кафедру. Как ни странно, на сей раз он даже не опоздал и по телефону почему-то не разговаривал.

— Я очень доволен Вашим выступлением на конференции. Фактически Вы смогли решить ту задачу, с которой не справился Павловский, поскольку темы у вас достаточно похожи. Наверное, Вам известно, что Павловский решил бросить занятия наукой. Этот... представитель золотой молодёжи привык находиться на привилегированном положении, привык, что он сын профессора,

а когда понял, что я ему выпендриваться не позволю, работать не захотел. С учётом того, что он написал заявление об уходе из аспирантуры, он автоматически выбывает из числа исполнителей по гранту МФА, то есть Международного Фонда Ахинематики. Поскольку Вы работаете почти над той же задачей, я решил включить в число исполнителей Вас. Вот бумаги, которые надо подписать. Только, пожалуйста, поторопитесь, мне срочно надо идти. Я буду показывать, где ставить подпись.

И он начал протягивать ей друг за другом какие-то бумаги. Варюха обратила внимание на то, что Игорь Валерьянович, случайно или намеренно, прикрывает рукой содержание документов, когда указывает пальцем на нужную строчку. Именно так расписывался в бумагах и Павлик. Варюхе оставалось только надеяться, что среди этих бумаг не было признания в серии убийств с отягчающими обстоятельствами.

— Ну что ж, всё логично, — прокомментировал тем же вечером Миша, который в последнее время после работы частенько заходил к ней в гости. — Повезло тебе, Варюха. Задачи у вас с Павликом и впрямь были похожи, так что в Фонде могут и внимания не обратить на замену исполнителя. У Павлика красный диплом и у тебя красный. Павлик молодой учёный и ты тоже. Главное, правильно подать ситуацию, но это уж наш Аверьяныч точно умеет. Ты бы слышала, как он с деканом объяснялся по поводу Павлика. В конце концов, странно, когда полгода не прошло, а аспирант сам заявление об уходе пишет. Тем более что Павлик на факультете личность известная. Но Аверьяныч так всё объяснил, так ситуацию расписал, что посторонний человек, наверное, за ОМОНОм бы послал, чтобы этого молодого негодяя Павловского от общества изолировать. Прикинь, он, оказывается, на своего руководителя с кулаками набрасывался и физической расправой ему угрожал! Псих да и только! Так что на факультете пошелестят сплетнями и забудут, вот увидишь. Никто с Аверьянычем здороваться не перестанет, что бы они там себе про него ни думали. Был Павлик — нету Павлика, аминь.

— Миш, но, значит, эта задача и впрямь какая-то важная? Я ведь слышала, как сложно грант МФА получить. Я, честно говоря, думала, что его в основном из-за Павлика дали, ну или из-за отца его.

— Эх, Варюха, какая ты всё же ещё наивная. У Аверьяныча какие-то связи в Фонде, сто процентов. Он всегда получает гран-

ты, каждый год, ну, типа, выигрывает. Это просто мне не повезло, у меня тема не очень подходящая была, и он в тот год, когда я поступал, с кем-то покруче это дело провернул, не из нашего института. Подробностей даже я не знаю. И это ещё не всё. Он может на заказ грант устроить, по нашей тематике, конечно. Я слышал от людей, что раз Аверьяныч грант обещал, то верняк, устроит. Правда, берёт, собака, дорого. Но по гранту и деньги идут нехилые. Ты, правда, Варюха, губу не раскатывай, тебе этих денег всё равно не достанется, Аверьяныч и у Павлика зарплату по гранту отбирал, а уж у тебя отберёт тем более. Но зато почёт какой. Когда в статье написано, что работа поддержана грантом МФА, это сразу совсем другой колленкор. Круто!

Как ни странно, Миша оказался прав только частично. Кое-какие деньги Варюхе всё же перепадали. Правда, в день получения зарплаты по гранту Игорь Валерьянович неизменно караулил её прямо у кассы и тут же сообщал, какую часть денег она имеет право оставить себе на этот раз. Наверное, боялся, что иначе она сразу всё потратит, а потом сделает большие глаза: извините, мол, дяденька, не удержалась, но однажды непременно верну. Вот интересно, Павлика он так же караулил? Ещё Варюху всегда забавляло, что причитающийся ему процент Игорь Валерьянович неизменно высчитывал на калькуляторе, словно намекал, что процент этот обоснован какими-то высшими соображениями. Впрочем, все отчёты по гранту оформлял всё-таки он. Только Варюхе казалось, что процент ему для солидности лучше было бы называть какой-то нецелый, скажем, не 60, а 63,25.

Ну, короче, какая-никакая прибавка к стипендии появилась. Если учесть ещё те деньги, которые они с Мишей зарабатывали на репетиторстве, то получалось совсем недурно. Но зато и приходилось подписывать кучу документов. Игорь Валерьянович, как и в первый раз, всегда составлял их в последний момент и приносил буквально на пять минут, так что читать их всё равно было бы уже некогда. Лишь однажды Варюха ухитрилась краем глаза увидеть то, что он так старательно закрывал от неё рукой. И с удивлением узнала, что за последние несколько месяцев она неоднократно ездила в командировки, купила на деньги Фонда компьютер и постоянно пользовалась Интернетом, а также распечатала на казённом принтере не одну тысячу страниц.

С тех пор Варюха всегда с глубочайшей радостью слушала торжественные речи, посвящённые финансовой поддержке молодых учёных. Лозунг «Деньги — в науку!» неизменно вызывал у неё приступы бурного веселья.

– 17 –

А в апреле, неожиданно для всех, разразилась катастрофа с Мишей.

Всю последнюю неделю марта он ходил непривычно бледный и тихий, с синяками под глазами. И ночевал, похоже, исключительно дома. Варюха думала, что у него проблемы с диссертацией, но всё оказалось гораздо хуже. Ситуация прояснилась, когда Игорь Валерьянович заговорил с ним тем особенным безразличным голосом, с теми посторонними интонациями, которые появлялись у него всякий раз, когда речь заходила о какой-то необычной услуге, выходящей за рамки типичной аспирантской барщины и, как правило, очень затратной. Характерно, что ни телефон, ни пейджер в такие моменты у него никак себя не проявляли.

— Миша, у меня к Вам ещё одна просьба, — начал Игорь Валерьянович как бы между прочим. — Понимаете, у меня в квартире ремонт, я со слесарями уже договорился и с электриком, а тут на заседание учёного Совета вызывают, и неизвестно, сколько я там проторчу. Так я прошу Вас, сходите туда, последите за рабочими. Да, надо будет им заплатить, — и Игорь Валерьянович на удивление естественно принялся хлопать себя по карманам, достал и раскрыл бумажник, в котором, разумеется, денег не оказалось. — Вот ведь незадача, деньги мелкие сегодня с собой не взял. Вы с ними расплатитесь, пожалуйста, а я Вам потом верну.

Что ж, фокус был старый и давно известный, даже Варюха за полгода с небольшим успела увидеть этот спектакль несколько раз. Всем зрителям было понятно, что речь идёт о сумме тысяч примерно в пять, так что какие купюры носит с собой Игорь Валерьянович, если такой мелочи у него нет, — это загадка из загадок. Расчёт был на то, что деваться аспиранту всё равно некуда, да и надежда какая-никакая всё же оставалась: а вдруг и впрямь вернёт? Никто и не ожидал, что Миша не согласится. Но он не согласился, правда, причина у него была уважительная.

— Игорь Валерьянович, извините, но я не могу, у меня отец тяжело болеет, врачи сказали, что он уже вряд ли когда-нибудь встанет, мне в больницу надо. И денег у меня, извините, тоже нет. У Вас их с собой нет, а у меня вообще.

Впрочем, оказалось, что болезнью отца, то ли настоящей, то ли вымышленной, отмазаться не удалось.

— Ну, Миша, Вы уж постарайтесь как-нибудь. Понимаете, это моя личная просьба. Личная! — сказано было с таким значением, с таким нажимом, что казалось, Миша сейчас сломается. И вот тут последовал взрыв.

— Игорь Валерьянович, я устал от Ваших личных просьб! Всю зиму я ремонтировал Ваш разбитый автомобиль, весь прошлый год помогал с переездом. Наверное, надо и совесть иногда иметь!

На кафедре сделалось так тихо, что Варюха впервые в жизни поняла справедливость фразы «звонящая тишина». Как ни странно, Игорь Валерьянович нисколько не рассердился, не смутился и вообще не выказал никаких чувств, только плечами пожал.

— Ну что ж, как знаете. Вы думаете, я это Вам не припомню?

Это было сказано с таким оскорблённым достоинством, с такой скромной интеллигентностью, что, наверное, даже Миша ощутил себя распоясавшимся неблагодарным хулиганом. Во всяком случае отвечать он не стал, просто повернулся и ушёл.

Варюха не знала, как Игорь Валерьянович решил проблему с ремонтом квартиры, но, видимо, как-то решил. Она только тихо радовалась, что принадлежность к слабому полу раз и навсегда оградила её от подобных просьб. А одежду они с зайчишкой, слава богу, покупали в магазине, так что шить и вязать аспиранткам не приходилось.

— 18 —

Ещё через две недели Миша завалился к ней в гости среди бела дня, небритый и злой до невозможности. Прямо с порога швырнул на диван автореферат и дискету с диссертацией. Оказывается, он только что беседовал со своим оппонентом.

— Думикис такую сумму за положительный отзыв заломил! Мне её никогда не собрать. Нет, он вообще-то своё обязательно требует, но я ни разу не слышал, чтоб он так зарывался. Похоже, они

с Аверьянычем в паре работают, они всегда друг у друга аспирантам оппонируют, Думикис — нашим, а Аверьяныч — его. Обещал мне историю с ремонтом припомнить, вот и припомнил.

— И что ты делать будешь?

— А ничего не буду. До конца аспирантуры полгода осталось. Буду получать всё это время стипендию, а потом уйду без защиты. Вот и всё, Варюха. Что он мне за эти полгода сделает? С осени из института уволюсь, работу в другом месте найду.

— Не боишься, что он тебя и в другом месте достанет?

— А зачем ему это? Наш Аверьяныч ничего просто так, без материальной выгоды, не делает. Да и кишка у него тонка, вообще-то. Это он только с аспирантами смелый. Видела бы ты, как он перед бизнесменами стелется, полудурками этими приклатнёнными. Они его и по плечу хлопают, и Игоряшей называют. А Игоряша всё терпит. Так что не сделает он мне ничего.

— Но, Миш, три года коту под хвост! Сколько ты на него отбачил, неужели не жалко?

— Жалко, Варюха, жалко. Но за эти три года меня не призвали в армию. А в армии я, согласишься, батрачил бы намного больше. А теперь я армии не боюсь, теперь у меня отец-инвалид и мать-пенсионерка, всё, привет. Тут-то Аверьяныч и просчитался. Он, поди, думал, что мне кровь из носу — защититься надо. Фигушки! Слушай, Варь. А держи-ка ты мою диссертацию. Возьми, возьми, пригодится. Темы у нас с тобой похожие, а Аверьяныч всё равно не поймёт, что это моя. А даже если и поймёт, то ничего тебе не скажет. И автореферат держи. Знаешь, какие там слова про актуальность темы написаны? Я, когда в первый раз прочитал, чуть не заплакал. И как же это люди до сих пор жили-то без моих гениальных открытий? Мастер писал, сейчас таких уже нет. И вообще, ты это, обращайся, если что. Если помощь какая нужна. Я ведь, Варюх, не просто так. То есть я, наоборот, — просто так, ну, то есть без всякой корысти... Ты заходи ко мне иногда, ладно, а? Ты не думай, отец хоть и инвалид, но он нормальный, не совсем уж беспомощный. А мне работу уже предлагают, неплохую, в общем, денежную, и кое-что на дом брать можно...

Варюха, пожалуй, впервые видела Мишу таким растерянным. Миша, который с трудом подбирает слова, — это было что-то новое и неожиданное. Влюбился он, что ли? С чего это вдруг? Она

посмотрела на Мишу повнимательней. А ведь у него честное, открытое лицо, и глаза такие круглые, искренние. Хотя, кто его знает, может он на квартиру свободную рассчитывает? Или сиделку дармовую для своего отца раздобыть хочет?

— Я подумала, Миш, — ответила она, немного неожиданно для себя самой.

– 19 –

Незаметно прошли ещё два года аспирантуры. Без особых приключений Варюха сдала кандидатские минимумы. Экзамен по специальности прошёл точно так, как предсказывал Миша, то есть никак. Зато и поставили за него всего лишь четвёрку, видимо, на всякий случай. Экзамен по английскому оказался легче ожидаемого. Конечно, с аспирантов требовали сделать перевод какой-нибудь научной статьи по своей теме, но с тех пор как в каждом компьютере появились специальные программы-переводчики, это перестало быть проблемой. Тем более что преподаватели английского языка, мало знакомые с основами ахинематики, вряд ли могли заметить ошибки, даже если они и были. А тот же самый рассказик, заново выученный назубок, оценили, как ни странно, на пять, и рязанский акцент не помешал. Вот что значит отсутствие конкурса.

Закавыка, конечно, получилась с философией. Варюха только на экзамене поняла, что на кафедре общей философии всех аспирантов уже давно негласно поделили на две группы: те, кто посещал специальные занятия по вечерам, и все остальные. Первым рекомендовалось ставить не ниже четырёх баллов, остальным — не выше трёх, а если настроение уж очень паршивое, то и заваливать. Варюха, вечно загруженная дополнительной работой, занятий по философии, разумеется, не посещала. Кто ж знал, что это настолько важно. Да и отвечать она пошла к той же самой тётеньке, с которой они так славно поплакали на вступительных. Тем большей неожиданностью стала для Варюхи реакция тётеньки на вполне вменяемый, честно списанный со шпаргалки ответ: «Особенности познания в ахинематике и их роль в формировании личности». Похоже, на здешней кафедре философии имелась какая-то своя познавательная концепция, несхожая с концепциями из учебника.

— Меня не интересует, что Вы думаете по этому поводу, — гордо заявила тётенька, высокомерно оглядев аудиторию и как бы давая понять всем окружающим, что лица, не имеющие учёной степени по философии, людьми могут считаться только условно, в первом приближении, а их способность к мышлению весьма и весьма сомнительна. — А вот не расскажете ли Вы мне сейчас, что написал по этой теме академик Мимикрян в журнале «Вопросы философии» за 1965 год?

Да, это был нокаут. И тогда тётенька, победно блеснув очками, вынесла ехидный вердикт:

— Ну, я думаю, что тройки Вам хватит.

Вообще-то, оценка никакого значения не имела, но было немного обидно. Всё-таки Варюха и сама взрослый человек, тоже преподаватель и иногда даже о чем-то думает, порой вполне успешно. На конференциях, вон, выступает. Похоже, что за неполных два года Варюха начисто разучилась сдавать экзамены, ведь в последнее время ей приходилось экзамены в основном принимать. И подзабылся основной постулат любой гуманитарной дисциплины: мнений, конечно, много, и каждое из них по-своему правильно, но надо угадать то единственное из них, которое совпадает с мнением экзаменатора. Хорошо хоть, что у Варюхи достало ума не спорить и ничего не доказывать. Впрочем, тройки ей и впрямь хватило, какая разница.

– 20 –

Все эти два года она пыталась совместить диссертацию Миши с идеями Павлика. Точнее, переделать и то, и другое с таким расчётом, чтобы не слишком уклониться от своей собственной темы. Вряд ли Варюха понимала, что такое угрызения совести, она вообще не считала, будто совершает нечто предосудительное, но порой ей всё-таки досаждало ощущение тяжести в груди, будто к сердцу изнутри подвесили дополнительную нагрузку, и теперь она мешает дышать. И тогда она вспоминала, что Миша сам, добровольно отдал ей свои работы, которые ему всё равно не нужны. Да и Павлик, наверное, был бы рад, что его идеи не пропали зря и кому-то пригодились. Когда-то, ещё в студенческие годы, он очень убедительно говорил о том, что настоящий учёный должен быть абсолютно бескорыстным человеком и не думать ни о личной славе, ни о личной выгоде.

Короче, оставалось понять, как из двух разных работ, посвящённых двум разным темам, сделать третью работу, посвящённую третьей теме. Тоже творческая задача, в своём роде, конечно. Варюха решала её поэтапно: сначала первая глава, потом вторая глава, потом третья. Вообще, это была идея Миши. Со свойственным ему своеобразным юмором Миша любил говорить, что в наше время объём информации достиг такого уровня, что задача учёного состоит не в создании новой информации, а в том, чтобы отыскать два разнородных куса уже существующей и попытаться соединить их между собой. Чем больше разницы между этими кусками имелось изначально, чем меньше походили друг на друга их родные научные области, тем выше ценность проделанной работы. Поэтому самыми ценными в ближайшем будущем окажутся такие малосовместимые специализации, как физик-юрист или философ-энтмолог, например.

Разумеется, всё это время Варюха продолжала работать на кафедре. Официально — ассистентом на полставки, вместо Миши. Неофициально — заместителем всех профессоров и инструктором младшего поколения аспирантов, а также методистом, программистом, уборщицей и «переводчиком». В том смысле, что Игорь Валерьянович поручал ей подробно растолковывать зелёным первогодкам свои краткие указания насчёт экзаменов, публикаций, апробаций и прочей необходимой ерунды. Варюха не без удовольствия вываливала на голову молодёжи всю ту информацию, какую когда-то они с Ритуськой, Петрухой и Павликом получили от Миши, будто эстафетную палочку передавала. Иногда сами собой приходили на ум ёмкие и хлёсткие Мишины слова, его юморные обороты... Ну, в конце концов, она ведь не виновата, что оказалась не готова к серьёзным отношениям!

За эти два года Варюха в полной мере поняла всё то, что говорят о тяжёлой работе над диссертацией. Раньше при этих словах ей мерещились груды книг в библиотеке, десятки экспериментов, гипотезы, муки творчества, прозрения по ночам. А на самом деле собственно научная работа, точнее, её творческая составляющая, заняла у Варюхи в общей сложности около пяти минут. В основном это были те незабвенные минуты, когда она читала черновики Павлика, выброшенные в мусорную корзину, и пыталась решить для себя, удастся ли приспособить его идею к своей теме. Не-

творческая составляющая, то есть поиск подходящих цитат, набор текстов на компьютере, заполнение лабораторного журнала, выступления на конференциях, конечно, заняла намного больше времени. Но и это была капля в море по сравнению с другими нагрузками, то есть работой на кафедре и выполнением бесконечных просьб научного руководителя, так называемой «барщиной». А ведь предстояли ещё и организационные расходы, о которых пока и подумать было страшно. Да, защита диссертации — это и впрямь тяжкий труд.

Но вот, к весне третьего года своей аспирантуры, Варюха стала понимать, что диссертация и впрямь в общих чертах написана, или, на аспирантском наречии, «кирпич готов». Пока Игорь Валерьянович не перешёл к решению задачи, которая на аспирантском наречии называлась «правильно пристроить кирпич», Варюха постаралась по возможности облагородить свой труд. Ну хотя бы разобраться в нём, что ли. И, что называется, «подбавить воды, чтобы кирпич разбух», потому что объём, с её точки зрения, оказался маловат. Что бы там о ней ни думали на кафедре, Варюха была далеко не глупа. Она честно разыскала оригинальные формулировки всех теорем, честно выучила их наизусть и вставила в диссертацию вместе с доказательствами, получив тем самым дополнительные страниц пятьдесят. Три теоремы Думмкопфа, из-за которых Павлик когда-то поднял такую бучу, Варюха, к своему удивлению, обнаружила в докторской Игоря Валерьяновича. Это было странно. Либо Игорь Валерьянович плохо помнил содержание своей собственной докторской, либо он по каким-то причинам издевался над Павликом и хотел избавиться от него. Варюха долго думала, но так и не смогла понять, в чём тут дело. У Павлика не было шансов найти диссертацию своего руководителя, даже Варюха наткнулась на неё чисто случайно, только потому, что однажды ей пришлось методично перебирать все пять забитых бумагами кафедральных шкафов в поисках затерявшегося приказа.

Наконец, оставался ещё один тёмный постулат, о связи основных положений ахинематики с теорией инновационных систем. Он гордо красовался в самом начале введения, упоминался и в первой, и во второй главе, причём с одним и тем же названием, но в разных формулировках, и убрать его оттуда было никак нельзя. Прочитав все три формулировки, Варюха сделала вывод, что нормальный,

психически здоровый человек самостоятельно не разберётся в этом наборе слов никогда в жизни. А разобраться хотелось, потому что на защите кто-то мог её об этом постулате случайно спросить, даже не из вредности, а по-настоящему случайно. Что ж, настало время нанести деловой визит в лабораторию информационной ахинематики, это их хлеб.

– 21 –

В лаборатории информационной ахинематики постоянно сидели, или, как принято было говорить в институте, «паслись», с десятков молодых симпатичных парней-программистов, народ весёлый и дружный. Впрочем, они только назывались программистами, а на самом деле это были молодые кандидаты наук. Их руководитель профессор Дразиня был знаменит тем, что ковал кандидатов, или, если угодно, лепил их, как горячие пирожки в кулинарии в час пик. Варюха рассудила, что уж кто-кто, а они просто не могут не знать, как правильно расшифровывается основной постулат инновационной ахинематики (к самому Дразине она бы обратиться, разумеется, не посмела). Поскольку Варюха неплохо ладила с парнями и охотно позволяла использовать себя на всяческих подсобных женских работах, от мытья посуды до набора несложных текстов и поиска необходимых цитат, её приветствовали дружным одобрителем рёвом, кое-кто даже стащил с головы наушники, чтобы не только видеть человека, но ещё и слышать, что человеку надо. Это была высшая степень приветствия. «Программисты» немного напоминали ей Игоря Валерьяновича тем, что могли делать по несколько дел одновременно. Точнее, они переговаривались, задавали вопросы, отвечали на вопросы и даже завтракали, не переставая набивать на выдавшей виды клавиатуре что-то понятное только им одним.

— Привет, Варюха, съезди мне в ухо! — улыбнулся ей лохматый и рослый Володька, который сидел ближе всего к дверям и считал своим долгом вести переговоры с посетителями. — Заходи, присаживайся! А мы вот тут с ребятами рассуждаем, не пора ли нашему ВАКу искусственным интеллектам учёные степени присваивать? А то, понимаешь, чемпионы мира по шахматам среди компьютеров уже есть, а наука почему-то отстала. Непорядок получается!

Делов-то: соединить компы в сетку, учёные советы из них организовать — и пушай друг друга оппонируют да апробируют. Дразиня вот нам всегда говорит, что хорошо обученная обезьяна шлёпает диссертации намного ловчее нашего. А комп чем хуже? Что за дискриминация? Ты как по этому поводу думаешь?

— Ага, я так. Я за. А потом перекрёстные защиты сделать: человек перед комповским советом, комп — перед человеческим. И поглядим, где процент защит выше окажется.

— Ну, Варюха, ну, голова! Не зря тебя твой Аверьяныч так ценит! Точно, они в ВАКе конкуренции боятся! Ну ладно, колись, зачем пожаловала?

Выслушав Варюхины сомнения насчёт постулатов, Володька только плечами пожал.

— Народ! Кто-нибудь чего-нибудь слышал на этот счёт? — он несколько раз хлопнул в ладоши, призывая к вниманию, и повторил Варюхин вопрос, но, разумеется, без толку. — Видала? Никто ничего не слышал. Ты возможности-то наши не переоценивай. Наше дело — программы на комп ставить да на кнопки потом давить, а это высокие материи, не про нашу честь.

— А может, ты начальство поспрашаешь? Ну как бы от себя. Верный ученик просит у любимого наставника объяснить основные принципы своей любимой науки. А за мной, сам знаешь, не жаржавеет.

Володька почесал лохматую голову и наморщил нос.

— Поспросать, оно, конечно, можно. Хотя как я руководству объясню, с чего мне вдруг это понадобилось? Ещё подумает, что я на докторскую замахнуться решил, а мне кандидатской хватило выше крыши. Но даже не в этом дело. Не думаю я, что и он на твой вопрос ответить сможет.

— Володь! Выдающийся учёный, подготовил несколько десятков кандидатов, имеет связи в докторантуре. И не понимает основных постулатов собственной науки? Ты чего?

— Это ты чего? Как будто вчера родилась или белены с вечера объелась. Главное — не основные принципы понимать, а иметь ходы в учёном совете, будто не знаешь. У Дразини все до одного аспиранты защищаются, стопроцентный КПД.

— Прямо уж и все? Так не бывает, Володь, мне-то можешь поверить. Неужели ни одного исключения не припомнишь?

— Отчего же, припомню. Был у нас один аспирант, который ослеп и от дальнейшей научной работы отказался. Компьютеры тогда ещё старые были, от них глаза уставали сильно, а нам ведь целыми днями за компьютером сидеть приходится. То модели имитировать, то диссертацию набивать, то для начальства чего-нибудь этакое делать. А у того бедняги, видите, проблемы какие-то были со зрением. Жаловался он, просил, чтоб чего-нибудь ему другое дали, без компьютера, да только кому его жалобы нужны? Впрягся — работай. Вот однажды и ослеп от напряжения, сначала на один глаз, а через часок — на второй. Главное, скорая совсем чуть-чуть не успела. Они потом сказали, что, вызови их кто-нибудь на полчаса раньше, зрение ещё можно было бы спасти. А он, идиот, статью дописать хотел. Башковитый был парень, кстати. Его сам Дразиня уважал. Не знаю, где он теперь. В общежитии говорят, что призрак его по ночам по комнатам ходит и компьютеры у припозднившихся студентов отключает, чтоб зрение не испортили. Заботится, значит, о молодёжи, добрый оказался. Так что если у тебя компьютер вдруг зависнет или от сети работать перестанет, это он, ослепший аспирант, тебе намекает, что зрение всё-таки беречь надо. А насчёт этого постулата ты не тушуйся, Варюха, никто тебе вопросов о нём задавать не станет никогда, потому что нет в нашем институте человека, который в таких вещах хоть что-то кумекает. Ведь если диссертант на вопрос не отвечает и его научный руководитель тоже молчит, а твой Валерьянович смолчит наверняка, на вопрос должен ответить тот, кто его задал. Думаешь, кто-то захочет связываться? Ты, вообще, анекдот про основателей физики слыхала? Нет? Ну так вот, в славные времена Бора да Эйнштейна любили говорить, что во всём мире едва ли найдутся десять человек, которые по-настоящему понимают постулаты современной физики. Ну, эту... относительность, кванты всякие, принцип неопределённости, может, слыхала когда. По-настоящему! Понимают! А не просто выучили их наизусть, чтобы цитировать с умным видом. И знаешь, что изменилось в физике за последние сто лет?

Программисты замерли и даже оторвались от своих клавиатур, предвкушая развязку.

— И что изменилось?

— Те десять человек померли! Все до одного!

И уж тут программисты, не таясь, дружно заржали.

Тогда же, весной, Варюха почувствовала, как иногда по ночам в ней просыпается маленький червячок беспокойства, червячок по фамилии Павловский. Вдруг Павлик, вернувшись из своей армии, решит вновь заняться наукой? И, что самое неприятное, это произойдёт до того, как Варюха защитит диссертацию? Конечно, Павлик ничего не сможет доказать, вряд ли он даже поймёт, когда и как его угораздило предоставить Варюхе столь внушительный интеллектуальный займ. В крайнем случае подумает, что идея с принципом Ступиделли посетила Варюху после разговоров на кафедре, когда Миша, Ритуська и Варюха обменивались дружескими новостями, а Павлик делился с ними подробностями своей работы в лаборатории. Но ведь он начнёт копаться в глубине, вопросы задавать, да ещё вспомнит, что гипотеза Игоря Валерьяновича сразу показалась ему неверной, и решит её перепроверить. Всё это могло бы обернуться крупными неприятностями.

Но к апрелю проблема решилась сама собой. В апреле на кафедру без спроса вошла худенькая женщина в тёмной, почти чёрной одежде, с заплаканным лицом. В два счёта она подошла к заведующему, нагло выключила его мобильный телефон и сказала вместо приветствия:

— Мерзавец! Ты убил моего сына!

Присутствующие замерли. К счастью, Игорю Валерьяновичу удалось сохранить достойное выражение лица. С видом христианского мученика он без всякого выражения устало спросил:

— Дора Степановна, ну при чём здесь я? Это был несчастный случай, к сожалению, такое бывает. Насколько мне известно, Павловский поскользнулся и упал без страховки с большой высоты, и виноват в этом прежде всего он сам. Поверьте, я Вам очень сочувствую, но врачи сделали всё, что могли. Впрочем, если Павловский и в армии вёл себя так же высокомерно, как в аспирантуре, то ничего удивительного в произошедшем нет. Это мы в институте терпели его выходки, так сказать, в память о профессоре Павловском, а офицеры ведь церемониться не будут.

— Господи, да если бы папа был жив, разве бы это всё случилось? — и Дора Степановна горько заплакала, можно даже сказать, завывала. Наблюдать всё это было крайне неприятно, особенно со

стороны. Из всех присутствующих, кроме Игоря Валерьяновича, пожалуй, только Варюха могла разобраться в происходящем, ведь она одна из аспирантов помнила историю с Павликом. Оказывается, внешне он совершенно не походил на мать. Конечно, Варюха сочувствовала этой пожилой изнурённой женщине. Всего пару лет назад — жена профессора и мать талантливого молодого парня. Её лицо ещё хранило следы былой надменности. А теперь осталась одна, и никаких перспектив впереди, кроме пенсии. Но плакала она уж очень некрасиво, все эти заламывания рук и рваные волосы ей совершенно не шли, не говоря о пятнах на лице.

Игорь Валерьянович, надо отдать ему должное, выглядел в этой ситуации намного лучше, да и говорил увереннее. Павлика, конечно, Варюхе было жаль. Но, с другой стороны, эта нелепая смерть существенно облегчала её задачу. Да и в несчастный случай Варюха, пожалуй, поверила, Игорь Валерьянович тут действительно ни при чём. Если бы Павлик погиб из-за своего неуживчивого характера, то это было бы не падение с высоты, а неосторожное обращение с оружием. Издержки дедовщины, как правило, объясняют именно этим способом. Да и произошло бы всё гораздо раньше, ещё год назад.

Зато только теперь Варюха поняла, почему на последней мартовской конференции Игорь Валерьянович выступал с докладом, посвящённым использованию методики профессора Эхманяна при решении задачи Акыльского в информационной ахинематике. Обе фамилии ещё тогда показались ей смутно знакомыми, хотя она и не сразу вспомнила откуда. Впрочем, доклад Игоря Валерьяновича прозвучал очень чётко и понятно, в отличие от путаных рассуждений Павлика. По факультету даже ходили слухи, будто Игорь Валерьянович сделал нечто серьёзное, самое серьёзное со времён защиты докторской. А Павлик никогда не умел как следует излагать свои мысли.

– 23 –

Теперь Варюха считала, что она просто обязана довести до конца работу над диссертацией. Можно сказать, она это делала в память о Павлике. Варюха не поленилась раздобыть всё, что знала о нём: реферат, написанный при поступлении в аспирантуру, его ранние студенческие статьи, зачастую сделанные совместно с отцом. Кстати,

в них нашлось немало интересных формул и фраз, которые можно было успешно вставить в какую-нибудь главу диссертации. Варюха пошла даже на то, чтобы разыскать и прочитать записи Павлика в лабораторном журнале. Наверное, Игорь Валерьянович сделал то же самое. Между прочим, Варюха вовсе не считала, что они с Игорем Валерьяновичем совершают нечто предосудительное. Во-первых, разобраться в записях Павлика — это уже сам по себе подвиг, не каждому по плечу. Во-вторых, Варюха призналась себе, что она в принципе не признаёт слова «плагиат». В конце концов, неизвестно, сам Павлик был автором своих интересных идей или просто воспользовался тем, что ему подсказал отец. И даже во втором случае теперь никто уже не выяснит, какие мысли по-настоящему рождались в голове профессора Павловского, а какие он тоже у кого-то позаимствовал. Возможностей-то у него в этом отношении было побольше, чем у Варюхи или Павлика, или даже у Игоря Валерьяновича.

И вообще, Варюха очень кстати вспомнила, как она читала когда-то, будто ни один писатель, ни один сценарист в наше время не может придумать по-настоящему оригинальный сюжет, потому что ещё с незапамятных древних времён в литературе есть несколько вечных, так называемых «бродячих» сюжетов, и всё, что человек в принципе может сочинить, обязательно будет вариантом одного из них. Наверное, точно так же обстоят дела и в науке. Есть несколько десятков стандартных образцов, давно известных и неоднократно апробированных движений творческой мысли. Ну, дедукция там, индукция, конвергенция всякая. А дело учёного — прикладывать эти образцы к своему набору фактов. Ну и финансирование, конечно. Одно дело — просто сидеть и рассуждать, совсем другое — построить на огромные бабки какую-нибудь дурынду километра на полтора и посмотреть, что она выдаст. Но тогда вопрос об истинном авторстве теряет свой смысл. И вообще, наука у нас — дело коллективное, времена психов-одиночек давно прошли.

Плохо было то, что Варюха, на свою беду, решила всё-таки подтвердить гипотезу, лежащую в основе диссертации, лабораторными экспериментами. Ну, 150 независимых испытаний, конечно, для неё было многовато, но 10–20 вполне по силам, на это ушло бы всего несколько дней. К тому же в «кирпич» необходимо было включить рисунки, имитирующие показания приборов, а у Варюхи не было полной уверенности в том, что ей удастся правдоподобно выполнить их

обычным способом, то есть от руки, подобрав подходящие по цвету чернила. Собралась она с силами уже ближе к концу своей аспирантуры, раньше всё было как-то недосуг, то работа время отнимала, то «барщина» аспирантская. А иногда и лаборатория занята была, случалось и такое. Пару раз обнаруживалось, что не хватает нужных реактивов (у лаборантов, тех, кто действительно сидел на работе, а не только числился, был свой приработок, и ни у кого не поднималась рука их этого приработка лишить). Порой ломался какой-нибудь хитрый аппарат. Короче, не судьба была Варюхе, до самого последнего времени. Но вот, наконец, сошлось всё: и время свободное, и исправные приборы, и реактивы, — так что Варюха принялась за эксперимент.

Честно говоря, сам процесс экспериментирования Варюху не занимал, ей всегда казалось, что не женское это дело. Это мужчины любят играть со своими микроскопами и пробирками, резисторами и транзисторами. Как дети, они воображают себе, будто участвуют в каком-то священнодействии. Тыкают в кнопки компьютера и с восторгом смотрят, как меняется картинка на мониторе. Или мучают бедные математические формулы, переписывая их двадцатью разными способами. Наверное, в эти моменты они ощущают свою значительность, свою причастность к какой-то великой тайне. Варюха смотрела на вещи по-женски, то есть более трезво, считая свою работу скучным, но необходимым злом. Поэтому первые полчаса она просто читала книжку, иногда поглядывая вокруг.

Но через полчаса скучно уже не было ни в малейшей степени. Показания приборов несколько не соответствовали ожидаемым, тем, которые она хотела получить, опираясь на результаты своей диссертации. Варюха провела ещё одну серию. Ещё и ещё. Судя по результатам экспериментов, изначальная гипотеза Игоря Валерьяновича была неверна. Павлик был прав. Варюха ощутила, как у неё вспотели ладони. Переделывать диссертацию на третьем году аспирантуры было просто невыносимо. Честно сознаваться во всём Игорю Валерьяновичу — невыносимо тем более. Разумеется, он и не вспомнит, кому принадлежала первоначальная идея, виноватым в таких случаях всегда оказывается аспирант. Действительно, почему она не провела испытания сразу? Павлик ведь сразу провёл. Это исключение из аспирантуры, это три впустую проведённых года, это новые поиски работы и неприятный вопрос «А чем Вы занимались после защиты диплома?» в каждом уважающем себя отделе кадров.

Оставался только один выход: сделать результаты экспериментов самостоятельно. Ещё со студенческих лет Варюха усвоила нехитрые лабораторные премудрости и твёрдо знала, что наш человек с помощью кувалды и напильника, этих основных двигателей прогресса, может добиться от приборов практически любых показаний. А ещё можно разбавлять и смешивать реактивы. Да мало ли разных способов? Дело это, конечно, было не женское, но Варюха, как любая русская женщина, умела практически всё. Да и просить кого-то помочь было бы крайне опасно, уж очень деликатная ей предстояла миссия. Впрочем, кувалды не понадобилось, хватило набора отвёрток и пилки для ногтей. Сложнее было незаметно остаться в лаборатории одной, причём так, чтобы никто из лаборантов ничего не заподозрил. Но диссертанты в так называемом «предзащитном» состоянии частенько работали по ночам.

Как ни странно, вставляя в «кирпич» полученные с таким трудом правильные графики, Варюха поймала себя на мысли о том, что никакой особой тревоги не испытывает. Она трезво оценивала роль своих открытий в мировом научно-техническом прогрессе и понимала: шансов на то, что её трудом кто-то захочет воспользоваться, практически нет. Даже если учёный совет рекомендует работу к внедрению. Да что там! Можно вообще принести на защиту заранее составленный и подписанный руководителем какого-нибудь предприятия акт внедрения. По своему студенческому опыту Варюха прекрасно знала, что замороженные разнообразными заботами бизнесмены и производственники в таких случаях подписывают всё, о чём ни попросишь. И никто из них ещё ни разу не попытался сопроводительные бумаги прочесть, тем более — ими воспользоваться. Хотя случались среди этих руководителей и кандидаты наук, самых разных, иногда даже ахинематических. Когда Варюха защищала диплом, акты о внедрении притащили все до одного студенты их курса, все 60 человек. И все понимали, куда чего внедрялось на самом деле, в том числе и комиссия. Ну а случись что из-за неправильной гипотезы, воспринятой каким-нибудь особо дотошным практиком всерьёз, — это сочтут за простительную ошибку молодого неопытного учёного. Ошибок у нас не допускает, как известно, только тот, кто ничего не делает. Творческий поиск, однако! И степень кандидата наук всё равно уже не отберут.

Но спать по ночам Варюха стала беспокойно.

Ещё один червячок беспокойства проснулся у Варюхи летом третьего года обучения, когда работа над диссертацией, в общем-то, подходила к концу. Настроение испортила случайная встреча с Петрухой, вечером, на улице. Варюха возвращалась домой после утомительного общения с заочниками, а Петруха неожиданно нагнал её на старой раздолбанной девятке и даже пригласил посидеть в кафе. Может, хотел про Ритуську выспросить, но про Ритуську Варюха сама мало что знала, в последнее время они почти не виделись. Петруха за два года практически не изменился, он был всё такой же рыжий, голубоглазый и костлявый. И болтал всё так же, без умолку. Начали обмениваться новостями, и тут Петька, после первого же тоста за встречу, огорошил её.

— А я ведь защитился, Варюх. Так что можешь меня поздравить, я теперь кандидат наук.

— И в чём суть сделанного тобой научного открытия? — вспомнила Варюха старый как мир аспирантский прикол. Петруха шутку оценил, заржал во всё горло. Да, он ничуть не изменился. Правда, по традиции на этот вопрос полагалось отвечать длинной нецензурной фразой, но Петруха выражаться не стал. Видать, и впрямь кандидатом наук заделался.

— Нет, правда, Петь, расскажи. Мы же про тебя ничего не знали, кроме того, что ты тогда в больницу с язвой попал.

— Да язва — это для военкомата, трюк старый, но один призыв я проскочил. А потом нашёл такого человечка, который за хорошие деньги диссертации делает под ключ, всё берет на себя: и автореферат, и отзывы оппонентов, и ведущую организацию, и публикации. Ну типа соискателем к нему пристроился. Короче, платишь — и через полгода надо прийти в указанное место, на заседании учёного совета выступить. Экзамены просто так ставят. Совет свой, вопросов не задают. Впрочем, у него всё своё: свой ваковский журнал, своя конференция трижды в год, дело на широкую ногу поставлено.

— Здорово! И дорого берёт?

— Мне в двести кусков обошлось, но зато верняк. А думаешь, тебе твоя диссертация дешевле выйдет? Ты сколько в институте на этого Аверьяныча задарма отпахала? А сколько ещё пахать бу-

дешь? Учти, пресс завинчивают перед самой защитой, когда человеку уже деваться некуда, и времени потраченного жалко, и денег. А публикации сколько стоят? У тебя в ваковском журнале публикация уже вышла? Нет ещё? Ну вот увидишь, сколько с тебя запросят. Я думаю, штук пять, не меньше. А сама защита? Оппонентам за положительный отзыв заплати, руководителю благодарность. А банкет этот! Знаешь, как люди стонут? А членов учёного совета ещё собрать надо, иначе кворума не будет и вся твоя защита — коту под хвост. Думаешь, они за красивые глаза к тебе придут? Как же, жди! Рассказывают, что один такой член... вообще аукцион устроил. Он, как выяснилось, в тридцати разных советах значился, и ему на каждый вечер по пять-шесть приглашений от этих учёных советов приходило: побудьте на нашем заседании, мил-человек, проголосуйте за кандидатов наших будущих. Вот он и вызвал к себе диссертантов, все пять приглашений им показал и объяснил, что разорваться на пять частей он не сможет, так что пойдет заседать к тому, кто ему больше заплатит. И вроде бы победитель ему пятнадцать кусков отвалил. Заметь, что проголосовать «за» он не обещал. Голосование-то тайное! Вот сама и считай. Нашим ещё везёт, потому что совет свой, и оппонентов Аверьяныч всегда из технологического института берёт, в нашем же городе. А представь, если оппонент в другом городе живёт? Это ты к нему за свой счёт съезди, его за свой счёт пригласи, здесь гостиницу ему оплати, когда он на твою защиту приедет, да ещё не всякую гостиницу, а чтоб с удобствами. И ведь нет, чтоб просто деньги взять и задачу свою отработать, ещё ведь каждый поиздеваться норовит. Я думаю, лучше уж просто заплатить и спать спокойно, без проблем.

— Но, Петь, ведь диссертации потом, после защиты, ещё в ВАКе проверяют, могут и завернуть. А деньги уже уплачены.

— Да кто там в этом ВАКе что-то проверяет? Только если один хрыч другому, то есть твоему руководителю, насолить решил, вот тогда принципиально проверит и докопается. Ну и срывы бывают иногда, конечно, только редко очень и, конечно же, неспроста. Слышала историю про то, как диссертант руки на себя наложил? Попался ему оппонент из другого города, и пришлось бедолаге гостиницу для оппонента заказывать да оплачивать да ещё профессора этого заслуженного по кабакам возить, достопримечательности наши вроде как

демонстрировать. Всё за свой счёт, разумеется. А оппонент ему на следующий день после защиты возьми да и скажи: «Знаете, понравилось мне что-то в вашем городе!» Дома-то у него жена, дети взрослые, да и тёща постоянно в гости подваливает, а здесь люкс одноместный, и вода горячая всегда есть, и обслуживание как в хорошем санатории. Диссертант же ему не в простой гостинице номер сделал, а в элитной. Выслужиться хотел, дурачок. Да и город у нас вроде ничего, посмотреть его как следует хочется. Короче, остаюсь я, говорит, на недельку у вас в городе, а там посмотрим. И отказать нельзя, потому что, правильно ты сказала, диссертацию в ВАКе ещё проверять должны, а у того оппонента в ВАКе, говорят, хорошие знакомые были. Нагадить мог, если обидится. А у диссертанта этого и так уже все деньги закончились, в долги влез, чтобы с членами совета, да с ведущей организацией расплатиться, да авторефераты напечатать и по разным городам разослать, да научному руководителю к юбилею подарок сделать. Во всех банках кредиты взял, уже дома ночевать боялся. Вот подумал он, прикинул, какой счёт ему элитная гостиница за неделю в номере люкс выставит, да и руки на себя наложил. Жалко парня. А вообще, я думаю, что у моего в ВАКе тоже всё завязано, уж больно он шустрый. И потом, для военкома, например, без разницы, проверил ВАК, не проверил, лишь бы справка о голосовании была. Я как на совете выступил, сразу протокол заседания скопировал и в военкомат отнёс. Типа, собрались, голоснули, одобрили — и ура, для них это всё равно, что кандидат. А потом мне и корочки прислали. Всё, больше призыву не подлежу. Кстати, и деньги вложенные скоро оправдаю. Это я сейчас на отцовских жигулях рассекаю, а так собираюсь иномарку купить, только ещё не решил какую.

— И как же ты деньги оправдываешь?

— Как кандидат наук. Ты думаешь, мне только от армии откосить надо было? Нет. Я давно уже понял, что кандидат наук — это ого-го, совсем не то что просто высшее образование. И наука у нас не из самых распространённых, что тоже хорошо, потому что «кандидат экономических или технических наук» сейчас уже не катит, развелось их как нерезанных собак, и все понимают, что у них там сплошная коррупция. Про педагогов я вообще молчу. Мы — другое дело. Видела когда-нибудь в рекламе? Одно дело, когда про лекарство мамаша какая-то вечно озабоченная рассказывает, другое дело, когда кандидат медицинских наук или каких-нибудь типа вообще

биологических. То же самое и продуктов касается, и техники. К науке у народа доверия больше. Но надо, чтоб кандидат настоящий был, взаправдашний, иначе под статью попасть можно. Закон о рекламе читала? А я взаправдашний! У меня ведь на лбу не написано, как я эту кандидатскую защищал, головой или каким другим местом. В солидном столичном совете или в зачуханном деревенском, на задворках у свинарника. Мы все равны, у нас демократия! Вот я в роликах и снялся, пока на местных каналах, а там посмотрим. Говорят, у меня здорово получается, убедительно так. Сразу видно, что кандидат. А сейчас меня в фильме снимать будут. Фильм заказной, научно-популярный, для одной фирмы, которой конкурентов утопить надо. Ну, знаешь, эти страшилки, про то что еда отравлена, лекарства с побочными эффектами, компьютеры взрываются. Вот такого типа. И я там своё веское слово кандидата наук сказать должен. Платят, кстати, здорово. Я бы и тебя позвал, как защитишься, да только баб по нашему профилю на телевидение не берут, к мужикам доверия больше. Ещё в ток-шоу всяких можно участвовать, но там, конечно, лучше профессором быть или академиком. Опять-таки, народ ведь не понимает, что академии разные есть. Для народа, по ходу, неважно, чей ты член: Российской Академии Наук или какой-нибудь Зауральско-спиритологической, в которой академиков всего двое, ты и твоё отражение в зеркале. Знаю я одного перца, который всем представляется как академик Академии коммунального хозяйства. Бабы падают. А на самом деле сантехник он, в ЖЭКе работает. Я вот, Варюха, думаю, не написать ли мне ещё и докторскую, когда денег подкоплю. Только не в курсе пока, как там у моего человечка с докторскими. Но, думаю, он в любом случае будет расширять предприятие. А хочешь, я вас познакомлю? Тебе диссер писать заново, конечно, уже поздновато, но он, глядишь, с ваковской публикацией подсобит. Держи мой телефон и звони, если что.

Петруха как всегда трещал без умолку, но, в сущности, он был прав. Особенно если вспомнить Мишу. Конечно, Игорь Валерьянович нагружал её не так сильно, как других аспирантов. Возможно, всё дело в том, что она не так зависела от аспирантуры, как другие, которым нужна отсрочка от армии или место в общежитии, и Игорь Валерьянович это хорошо понимал. Но под конец он действительно мог завинтить пресс, и с этим надо было что-то делать. Кажется, на-

стало время вспомнить про одноклассника Славика, который честно отучился на юридическом и пару раз по-соседски просил сделать за него контрольные по ахинематике. А долг, как известно, платежом красен.

– 25 –

— Итак, Ваша диссертация, в принципе, готова, апробацию Вы прошли, авторефератом я тоже, в общем-то, доволен. Теперь Вам надо получить отзывы от двух оппонентов из нашего учёного совета. Я решил, что оппонировать Вам будут профессор Думикис и профессор Птипеш из института технологической ахинематики. Думаю, Вы с ними уже встречались, хотя бы на защитах дипломов и диссертаций. Впрочем, профессор Думикис работает у нас в институте на четверть ставки. Кроме того, Вам необходим ещё один положительный отзыв из ведущей организации... Алло, привет! Да, я на кафедре, да, сегодня заеду в бухгалтерию, и мы решим этот вопрос...

Варюха давно уже свыклась с привычками Игоря Валерьяновича и во время таких вынужденных пауз держала заинтересованное лицо. Специально дома тренировалась, перед зеркалом, и год от года получалось всё лучше и лучше, хотя скулы иногда всё-таки сводило. Сложнее всего было с губами, потому что через пару минут они от напряжения начинали дрожать. Впрочем, сегодня в происходящее вмешался ещё один персонаж. Этим персонажем был до тошноты серьёзный молодой человек в голубой форменной рубашке и с папкой в руках. Постучавшись и не дождавшись ответа, он зашёл на кафедру и очень строго спросил:

— Вы не подскажете, как пройти в лабораторию философского макетирования? Не могу найти нужный кабинет.

— Ой, Славик, привет! — картинно обрадовалась Варюха, а Игорь Валерьянович, услышав про философское макетирование, оторвался от телефона, буркнув «Я тебе попозже перезвоню», и устался на Славика.

— В лабораторию философского макетирования? А для чего она Вам, молодой человек?

— А вот это Вам, гражданин, знать не положено, служебная тайна. Если не знаете, как её найти, так и скажите, я у кого-нибудь ещё спрошу. Странно только, что мне на вахте ничего не ответили.

— Ну почему же, у них просто нет отдельного помещения, к которому нужен ключ, поэтому на вахте Вам и не смогли помочь. Я думаю, Вам лучше всего найти профессора Ахонина, он возглавляет эту лабораторию и наверняка охотно ответит на ваши вопросы. Только его сейчас нет в городе, он в командировке, но на следующей неделе придет обязательно.

Варюха в который раз подивилась ловкости своего начальника. Ни в какую командировку профессор Ахонин, разумеется, не уезжал и даже не думал ехать, Варюха лично видела его в коридоре пару часов назад. Но, конечно, Игорь Валерьянович хочет выиграть время, собраться с мыслями, а главное, понять, кому это понадобилось расследовать деятельность несуществующей лаборатории, в которой тихо-спокойно столько лет получают зарплату члены его семьи. Ага, задёргался. Значит, они со Славиком рассчитали всё точно. А сейчас Вы, господин научный руководитель, занервничаете ещё сильнее.

Как только Славик вышел, Игорь Валерьянович повернулся к Варюхе. Более того, когда у него вновь начал звонить телефон, он телефон отключил, чего с ним ни разу за прошедшие два с лишним года ещё не случилось.

— Вы знакомы с этим молодым человеком? Что за форма у него такая странная? Похожа на милицейскую, но какая-то другая.

— Ну да, не милицейская, а прокурорская. Это Славик, однокурсник мой бывший, живёт в соседнем подъезде. Он после юридического в прокуратуре стажировку проходит, и, по-моему, что-то ему поручили в нашем институте проверить. Потому что он ко мне в гости недавно заходил, всё про наш институт выспрашивал. Анонимка к ним, что ли, какая-то пришла. Или, может, коллективная жалоба, я точно не знаю. Но, вроде, не про наш факультет, ведь философское макетирование это не наш профиль. А может, они там вообще вузами занимаются, потому что фамилию Думикис я от него вроде бы тоже слышала, только не помню когда. Впрочем, мало ли однофамильцев.

Похоже, сработало. Игорь Валерьянович, что называется, изменился в лице, хотя и ненадолго. И, наверное, впервые за всё время аспирантуры она увидела глаза своего научного руководителя. Глаза, прямо скажем, ошарашенные. Да, Миша был прав, кишка у него действительно оказалась тонка.

С тех пор Игорь Валерьянович начал вести себя так, будто он на её, Варюхиной, стороне, будто он хочет по-настоящему помочь ей советами и пытается её защищать. Хотя это, конечно, не означало, что он прочитал её диссертацию.

— Да, всё очень неплохо, — рассеянно говорил он Варюхе во время очередной встречи. — Но работа у Вас пока ещё сыровата, надо будет её усовершенствовать. Вот список тех членов нашего учёного совета, которые постоянно посещают заседания. Вы просто обязаны упомянуть в автореферате имена этих людей и сослаться на их работы, иначе они обидятся и могут проголосовать против Вас. Работы поищите в электронном каталоге или вот, посмотрите в этих статьях. Теперь давайте проверим по электронному варианту, сколько раз у Вас употребляется слово «инновации». Вот видите, всего 17 раз, этого мало. Профессор Думикис всегда частотность этого слова считает, а он — Ваш оппонент. Инновации, сами знаете, сейчас в моде. Надо хотя бы 35. На 250 Ваших страниц это не так уж много. Вставьте. Да, алло? Привет, — и тут случилось то, чего Варюха никак не ожидала. Игорь Валерьянович вышел вместе с телефоном в коридор. Неужели до такой степени испугался? Забавно. И старые рефераты отдал. Только бы глупостей не наделал со страху. Впрочем, он, вроде бы, не из тех людей, которые делают глупости.

— Теперь о том экземпляре, который Вы принесёте прямо на защиту, — продолжал Игорь Валерьянович, вернувшись из коридора. — Профессор Сутулбенс, наш учёный секретарь, во время защиты всегда листает диссертации и смотрит, есть ли там ссылки на его работы. Поэтому Вы вставьте пространные ссылки, не менее 15 строк, и попросите в типографии сделать так, чтобы переплёт сам собой открывался именно на этих страницах. У них есть специальные технологии. Кстати, Сутулбенс тоже придаёт инновациям очень большое значение. Теперь о качестве рисунков. Для профессор Жмулкиса очень важно, каким редактором Вы пользовались, причём компанию Майкрософт он не признаёт в принципе. Учтите, что это мнение разделяет и профессор Дразиня.

Да, работы предстояло ещё — непечатый край.

Ближе к осени Игорь Валерьянович решил лично представить Варюху первому из её оппонентов, то есть профессору Думикису. Познакомить, так сказать, хотя в действительности они и без того были неплохо знакомы, так как Думикис всё ж таки значился профессором их кафедры и даже иногда появлялся на рабочем месте, хотя бы для того, чтобы поставить свои автографы в нужных местах. Внешне это был мягкий, весь такой круглый и очень культурный человек, даже не верилось, что он мог опускаться до столь низменных материй, как вымогательство денег за положительный отзыв на диссертацию. Варюха могла бы усомниться в правдивости Миши, если бы, помимо Миши, не знала о других таких же случаях и не помнила старую аспирантскую мудрость: «Если по человеку видно, что деньги его не интересуют, значит, его интересуют очень большие деньги».

Как бы то ни было, на сей раз встреча проходила в личном кабинете Думикиса, в институте технологической ахинематики, и Игорь Валерьянович каким-то чудом умудрился на неё не опоздать. Кабинет, надо отдать должное, был по-настоящему шикарнейший. Варюха с любопытством оглядывала красивые ковры, по которым разрешалось ходить в уличной обуви, белый кожаный диван непонятного предназначения, длинный стол красного дерева, явно не дешёвые стулья и картины на стене, в рамах, стоимость которых в несколько раз превосходила стоимость содержимого. (Впрочем, поговаривали, что картины Думикис малевал лично сам и чрезвычайно этим обстоятельством гордился.) Что ж это Игорь Валерьянович не может себе позволить такой мебели? И вообще обходится без отдельного кабинета, довольствуется столом на кафедре. То ли у Думикиса заработки действительно выше, то ли у него просто нет зайки.

Похоже, что у Думикиса были свои способы забивать эфир. В отличие от Игоря Валерьяновича, по телефону он поговорил за всё время их визита всего один раз, очень кратко и по делу, но зато рассказал обо всех новых постановках местного оперного театра и подробно обсудил достоинства и недостатки архитектурного облика города. Кроме того, он беспрестанно сыпал иностранными

фразами, и у Варюхи зародилось подозрение, что по вечерам профессор Думикис зубрит словарь иностранных слов. Варюха упорно держала заинтересованное выражение лица, но это оказалось намного сложнее, чем во время бесед с Игорем Валерьяновичем. Действительно, одно дело — напрячь нужные мускулы десять раз, но на пять минут, совсем другое — один раз, но на полчаса. Оппонент был и впрямь крайне занятым человеком.

Игорь Валерьянович вёл себя необычно, даже, можно сказать, подобострастно, чуть ли не расшаркивался. «Вот, познакомься, моя аспирантка, недавно диссертацию написала», — и голос у него при этом был какой-то извиняющийся, он словно бы искренне сожалел о том, что существуют на белом свете какие-то аспирантки, пишут, понимаешь ли, диссертации, достойных людей от дел отвлекают. Думикис милостиво, но с долей брезгливости перелистал еёopus, пресловутый «кирпич», распечатанный вчера ближе к ночи на кафедральном принтере и переплетённый с раннего утра в институтской типографии.

— Ну что ж, я, конечно, чрезвычайно занят. Ты ведь, Игорь, сам понимаешь, сколько народу сейчас наукой занялись. О темпора, как говорится, о морес. Всё пишут и пишут... Времени совсем нет. Но постараюсь посмотреть, лук оуве, так сказать, сине ира эт студио, то бишь беспристрастно, — и на лице его появилась та снисходительно-ласковая улыбка, с которой высшие существа обычно смотрят на низших. — И ещё ведь есть проблема, что скажет профессор Метумтам, он очень строго пропускает.

Фамилию Метумтам Варюха слышала неоднократно. Это был самый старый и самый заслуженный член местного учёного совета, и его строгим, но справедливым мнением очень любили пугать зелёных аспирантов. Но Варюха-то зелёной давно не была. Она прекрасно понимала, что в каждом совете почему-то обязательно имеется такой вот грозный и заслуженный деятель, который якобы мог что-то сказать и кого-то не пропустить. Хотя на поверку, как правило, выяснялось, что этому светочу далеко за восемьдесят и он уже очень давно пропускает всех и вся. Но ссылаться на знаменитую фамилию было престижно и с финансовой точки зрения небесполезно.

Варюха беспечно улыбалась, глядя на оппонента пустыми, ничего не выражающими глазами. Она вновь как бы наблюдала всё

происходящее со стороны. Эта сцена напоминала ей обнюхивание у животных, те замечательные картинки, когда новичок должен продемонстрировать покорность, изобразить позу подчинения, чтобы его приняли в стаю. А вот нужные слова почему-то не находились. Везёт Ритуське, у неё подходящее к случаю выражение лица возникало само собой, без всяких тренировок. Мило, ласково и очень женственно. Ну, этот взгляд: «Ах, я так счастлива иметь дело с таким великим учёным, как Вы! Память о нашей мимолётной встрече я сохранию на всю жизнь! За пять минут разговора с Вами я узнала и поняла гораздо больше, чем за предыдущие 25 лет своей жизни!» Тут тоже свой талант иметь надо. Варюха решила молчать, по возможности подобострастно. Игорь Валерьянович тоже помолчал, с интересом глядя в окно. На том, в принципе, и расстались.

— В последнее время Вы стали чем-то напоминать мне Павловского. Что за строптивость? — выговаривал ей Игорь Валерьянович, когда они вместе шли обратно. — Учтите, если при Ваших блестящих результатах Вам так и не удастся защититься, это будет исключительно Ваша вина.

Варюха не стала объяснять ему, что меркантильный интерес всё равно перевесит другие соображения. Во-первых, это было понятно и без слов, во-вторых, её слишком занимал другой вопрос. За всё время визита к Думикису телефон у Игоря Валерьяновича почему-то не зазвонил ни разу, хотя звонки от зайчишки он обычно не пропускал никогда. Неужели всё-таки отключает? Или оставляет только самые важные номера?

– 28 –

Пораскинув мозгами, Варюха решила, что публикацию в ваковском журнале она сделает через Петруху. Во-первых, это скорее всего обойдётся дешевле. Во-вторых, Варюха интуитивно чувствовала, что не надо с Игорем Валерьяновичем пережимать. Сейчас он побоится сделать всё как обычно, то есть платно и за её счёт, а опубликовать статью аспиранта за свои собственные деньги — это уж чересчур, дорогие товарищи. Так можно и врага себе смертельного нажить. В-третьих, публикации в ваковских журналах проверяют всё-таки немного более тщательно, чем всегда, и можно нарваться на кого-нибудь дотошного и вредного. Иначе говоря,

есть маленький шанс, что ошибку в результатах могут и обнаружить, а это совершенно ни к чему. Пришлось бы предупреждать Игоря Валерьяновича, чтобы искал рецензента понадежнее, то бишь такого, который не выдаст, и честно объяснять в чём дело. А Варюхе пугать научного руководителя пока что не хотелось. С Петрухой в этом отношении было проще. Наконец, в-четвёртых, тот человек, через которого Игорь Валерьянович обычно проводил ваковские статьи своих аспирантов, судя по отзывам, любил подобострастное отношение к себе, почище, чем профессор Думикис. А с активным подобострастием, как показал опыт, у Варюхи дела обстояли не очень.

Петруха оказался человеком ответственным и деловым, от обещания своего, как ни странно, отказываться не стал и тут же свёл со специалистом. Специалист сразу назвал цену, честно говоря, не маленькую, но и не запредельную. Зато и пальцы не гнул, не измывался, как некоторые. Статью не листал, вопрос задал только один, насчёт редактора.

— Могу предложить два варианта. Если ты уверена, что твоя статья не фуфло, её отдадут на рецензию серьёзному мужику, который денег с клиента за это дело, можно сказать, не берёт, но честно всё читает. Если вдруг, с большого бодуна, найдёт какие-то косяки, это будут твои проблемы. Сможешь — исправишь, не сможешь — извини, товар оплачен, денег не возвращаем. Если ты в себе не очень уверена и хочешь подстраховаться, найдём другого человека, эксклюзив. Он академик, крупный специалист, но старенький и больной, тяжело ему всё подряд читать, он так, бегло, по диагонали просматривает и рецензии всегда даёт положительные, в смысле, рекомендует к публикации. Я его стараюсь слишком часто не напрягать, берегу человека, поэтому с ним выйдет чуть подороже. Зато Петруха говорит, что у тебя работа грантом подержана. Если это правда, я тебе сделаю скидку. Оплата частями. Сегодня ты мне даёшь аванс. Где-то через пару недель, когда мой рецензент статью твою типа посмотрит, вносишь второй платёж, ну а когда номер журнала с твоей статьёй к печати подпишут — третий и окончательный. Первый вариант стоит 100, 200 и 100 баксов, второй — 100, 300 и 200 баксов. Со скидкой на сотню баксов дешевле получится. Выбирай. И не кисни, лучше на работе своей пошурши как следует, там за ваковскую публикацию наверняка компенсация

положена, самая что ни на есть официальная, на покрытие материальных затрат. Сейчас в любом институте специальный фонд на это дело имеется. Глядишь, и помогут.

Варюха предпочла второй вариант, предвкушая, как опешит Игорь Валерьянович, когда узнает, что о ваковской публикации она позаботилась сама. Она оказалась права, но лишь частично. Игорь Валерьянович не просто опешил, он даже посмотрел на неё с чем-то вроде уважения. Более того, Варюхе показалось, что он начал её по-настоящему побаиваться. Во всяком случае, он перестал мимоходом просить её о разных мелких одолжениях, от похода в магазин за чаем и сахаром до чтения лекций у первокурсников, полностью переключившись на более молодое поколение. И зарплату по гранту начал отдавать полностью, так что ваковская публикация, можно сказать, окупилась.

– 29 –

Не прошло и пары недель, как Думикис благополучно представил её диссертацию на очередном заседании учёного совета. Иначе говоря, дал людям знать, что живёт на свете вот такая вот замечательная аспирантка и лежит у неё на столе вот такая вот замечательная диссертация, крайне подходящая к тематике наших бескорыстных и чистых заседаний. Варюха, правда, так и не поняла, написал он уже свой положительный отзыв или ещё нет, но сама процедура ей понравилась. Было в ней что-то рыцарственное, словно пришедшее от стародавних времён. Или из протестантской Европы, когда каждая пара, вознамерившаяся вступить в брак, должна была загодя сообщить об этом во время церковной службы. Или хотя бы от тех далёких лет, когда все европейские профессора были универсалами и хорошо знали друг друга, каждая диссертация действительно становилась событием, а учёных советов было наперечёт и они дорожили своей репутацией. Если верить учебникам истории, конечно.

После Думикиса выступал Игорь Валерьянович. На сей раз держался он немного суетливо и даже растерянно, впрочем, это могла быть просто поза, всё та же, из мира животных. Ведь Аверьяныч самый молодой среди них. Хотя его неуверенность можно было объяснить и иначе. Представление на совете уже сделано, а отзывы от оппонентов ещё нет. Это всё равно что объявить в церк-

ви о своём вступлении в брак, не заручившись предварительно согласием невесты. И по правилам делать этого, конечно, было нельзя. Но положительных отзывов уже давно никто не дожидался. Это называлось «заранее поставить на очередь», потому что из-за обилия желающих заняться наукой в учёных советах действительно образовывалась очередь, на защиту диссертаций. Ведь учёный совет — это вам не церковь, в которой можно обвенчать хоть 5, хоть 50 человек в день. Диссертанты выступить должны, хотя бы по 10 минут каждый, а для протокола им ещё и вопросы задать положено, не менее трёх штук. Кто-то предлагал для убыстрения процесса выступать хором, всё равно, мол, эти выступления никому не нужны и никто их не слушает, но идея почему-то не прижилась. Решили, что уж больно подозрительно смотреться будет протокол, в котором 50 человек за три часа и речь сказали, и на вопросы ответили. А жаль, легче было бы на банкет сбрасываться. Так что на очередь ставили заранее, и, пока аспиранты получали отзывы и исправляли недочёты, очередь потихоньку шла. Риск был в том, что кто-то из оппонентов мог дать отрицательный отзыв и потребовать существенно переделать весь «кирпич», но такое случалось крайне редко, практически никогда не случалось.

Варюха очень некстати представила себе, что будет, если кто-нибудь из этих заседающих сдуру возьмёт да и найдёт в её «кирпиче» ошибку, и испытала даже что-то вроде сочувствия к своему начальнику. А вдруг он, что называется, своим научным нутром, чует подвох? Вот бедолага. И Варюхе вдруг показалось, что сейчас они с Игорем Валерьяновичем соучастники общего преступления, два отпетых мошенника. Пока всё хорошо, они вроде бы вместе и делают общее дело, но, если попадутся, самозабвенно начнут валить вину друг на друга.

После представления в совете необходимо было срочно печатать автореферат и рассылать его по всем институтам смежного профиля. В этом тоже было что-то от рыцарских времён. Вот, дескать, вызываю я вас на честный бой. Возьмите краткое изложение моей диссертации, вот вам результаты, вот методы, какими они получены, а вот причины, по которым работа моя просто необходима страждущему человечеству, да здесь они, здесь, в разделе «актуальность темы». И если вы со мной не согласны, то, милости прошу, приезжайте на защиту и возражайте мне, а я отбиваться буду, свои

идеи перед вами защищать. Отсюда и название, кстати, — защита. Возможно, когда-то действительно так оно и было. И приезжали, и возражали, иногда даже за свой счёт.

Что же касается времён нынешних, то авторефераты эти поступали в институты пачками и никто их, судя по всему, уже давно не читал. Варюха не знала, что с ними делают в других заведениях, но лично у них на кафедре один из преподавателей помоложе, у которого дети ещё в школу ходили, однажды выгреб из шкафа их все, вместе с курсовыми и дипломными работами, и отвёз в пункт приёма макулатуры. Очень был доволен, кстати, сказал, что дети первое место по сбору макулатуры заняли. Ну и, конечно, аспиранты этими авторефератами иногда пользовались, чтоб свои написать. Не из головы же, в самом деле, актуальность темы, цели и задачи исследования и всякое такое прочее придумывать? Но поскольку не они первые такими умными оказались, все эти мудрёные фразы уже давно кочевали из одного реферата в другой, и аспиранты помнили их наизусть. Наконец, автореферат можно было подарить знакомым, что намного дешевле, чем дарить всю диссертацию, да и места в квартире автореферат занимает гораздо меньше. Всё-таки «кирпич» он и есть «кирпич», что по весу, что по объёму, а реферат — это маленькая тетрабочка. Вдруг кому из друзей приятно будет похвастаться, что они с кандидатом наук знакомы? И проблема подарков родным и близким на какое-то время решалась сама собой, а то финансы у многих после защиты бывали основательно подорваны.

Следующим пунктом организационных мероприятий был визит в ведущую организацию, по-простому — в учреждение смежного профиля, расположенное в другом городе. То есть на самом деле лично ездить туда было вроде бы ни к чему. Ведущая организация, непонятно почему так названная, обязана дать отзыв на диссертацию будущего кандидата наук, что, конечно, можно сделать и по почте. Но в действительности отзыва по почте можно было бы ждать до второго пришествия, а также до морковкина заговения, свиста раков на горе и других интересных и редких событий. Это же надо дожидаться, пока заказная бандероль попадёт на стол к директору учреждения, пока директор вызовет к себе кого-то из подчинённых и потребует этот кирпич прочитать, пока подчинённый, не имеющий никакого своего интереса в этом деле, кроме эфемерного научного любопытства, действительно прочитает или сделает вид, что

прочитал, пока соблаговолит сесть за стол и написать пару–тройку страниц (меньше нельзя!), пока заверит свою подпись в канцелярии, пока отправит обратно... Короче, люди предпочитали решать проблему самостоятельно и на местах. Поэтому в погожий октябрьский день Варюха, вооружённая диссертацией, авторефератом и бутылкой коньяка, не говоря уже о хлипкой пачке наличности, садилась в скорый поезд, который должен был доставить её на юг, в Дистанционный Институт инновационной и интерактивной ахинематики, отныне — её ведущую организацию.

– 30 –

Отыскать Дистанционный Институт оказалось совсем несложно, он располагался в точности по указанному адресу, современное многоэтажное здание в модном стиле, из бетона и стекла. Сложности начались, когда Варюха попала внутрь.

Во-первых, на входе не было ни подозрительных молодых людей в военной форме, ни даже бабушек с вязаньем. Никто не требовал документов, не выписывал пропуска. И даже спросить, как найти членов учёного совета, было не у кого. Зато сразу бросалось в глаза огромное объявление на экране во всю стену, светившееся не хуже рекламных огней. Гласило оно вот что:

«Уважаемые посетители института, абитуриенты и студенты! Предупреждаем вас, что помещение института оборудовано видеокамерами, а все технические средства обучения подключены к сигнализации. При попытке дотронуться до них сработает звуковой сигнал, и в течение пяти минут на место прибудет наряд милиции».

Что ж, вполне разумно. Только странно, что «милицию» до сих пор не заменили на «полицию». На другой стене Варюха обнаружила подробный поэтажный план здания. Схема была интерактивной, и вообще всё устройство напоминало укрупнённую модель GPS-навигатора. Проблема была в том, что Варюха-то не знала, какой кабинет ей нужен. Хорошо, придётся действовать старым проверенным методом научного тыка, то есть ходить по этажам, заглядывать во все двери и спрашивать. И Варюха пошла.

Изнутри здание поражало ещё сильнее, чем снаружи. Сквозь стеклянные, прозрачные на западный манер стены виднелись

лекционные залы, где на огромной интерактивной доске сам по себе возникал текст лекции, а из динамиков, вмонтированных для удобства в каждую парту, доносился голос преподавателя. Самих преподавателей, кстати, нигде видно не было, из чего Варюха сделала вывод, что в институте широко практикуется дистанционное обучение. Что ж, очень разумно и даже, можно сказать, человечно поступают здешние профессора. Вместо того чтобы нагружать своей работой аспирантов и студентов-старшекурсников, они сделали видеозапись каждой лекции и теперь пускают её каждый раз, когда надо эту лекцию прочитать. Пожалуй, стоит взять эту инновационную технологию на заметку. Один раз потратиться, как следует постараться, зато потом можно ничего не делать хоть до самой пенсии. Впрочем, и в маленьких аудиториях, где проходили практические занятия, преподавателей не было, одни студенты. Похоже, они решали контрольные работы в маленьких ноутбуках и сразу отправляли их на проверку по Интернету. В другой аудитории один из студентов писал что-то на интерактивной доске, которая начинала пищать всякий раз, когда он ошибался.

Пока Варюха шла по идеальным коридорам института, охвативший её первоначальный восторг постепенно перерастал в тихую панику. Почему здесь нет ни одной кафедры? Где преподаватели, лаборанты, программисты, методисты и всякие прочие нужные и не очень нужные сотрудники, с которыми было бы так здорово попить чайку, поделиться сплетнями и узнать, наконец, кто же должен писать отзыв на её замечательную работу? Куда они все подевались? Да что же это за институт такой, вымерли все у них что ли? Через час Варюху охватило отчаяние. Даже студенты и те, похоже, не выходили на перерыв в коридор. А, собственно, зачем? Наверняка они целый день сидят в одной и той же аудитории. Если нет преподавателя, то какая разница, где проводить занятия?

Поначалу Варюха предположила, что первым делом надо обследовать те двери, что ведут в комнаты с непрозрачными стенами. Но на трёх этажах таких дверей обнаружилось ровно по две штуки на каждый: одна с большой буквой М, другая — с буквой Ж. Второй дверью Варюха на всякий случай воспользовалась и, глянув в зеркало на своё растерянное лицо, решила отдохнуть на подоконнике и рассудить логически. Где обязательно найдутся живые люди, сотрудники? В столовой? Глупо. Возможно, про-

дукты с утра загружают в автоматы, а вечером забирают выручку. Да и вряд ли столовские работники смогут ей чем-то помочь. Библиотека? Вряд ли она вообще здесь есть, а если и есть, то точно электронная. Уборщицы придут только вечером, да и не знают они ничего. Воспитательный отдел? Ещё неизвестно, имеется ли он в этом институте. Наконец, её осенило. Отдел делопроизводства! Вряд ли кто-то доверит автомату ставить печати на документы, это слишком опасно. Да и командировку всё равно отметить надо. Где находится отдел делопроизводства, Варюха не знала, но GPS-навигатор у входа знает наверняка.

И она не ошиблась! В отделе делопроизводства, тоже прозрачном, сидел настоящий, живой, худенький мальчик, вряд ли старше самой Варюхи. От облегчения она чуть не бросилась ему на шею, но взяла себя в руки и, слегка заикаясь, начала объяснять в чём дело.

– 31 –

— Да, у нас дистанционное обучение, — объяснял ей Василь, оказавшийся таким же, как Варюха, аспирантом, дежурившим сегодня по институту на случай таких вот незапланированных визитёров. Оказалось, что эту повинность отбывали по очереди все аспиранты-первогодки, что, в принципе, всё-таки было проще, чем вести занятия и принимать зачёты. — Очников ты видела, они лекции по телевизору слушают, практику интерактивно проходят, дипломы защищают по видеосвязи. А заочникам сразу выдают ноутбук, где есть всё — тексты лекций, варианты контрольных и лабораторных. Лаборатория, кстати, у нас в другом здании, вход платный и вахтёр сидит, чтоб не сломали и не разбили чего, а реактивы свои приносить надо. Заочник платит сразу и за ноутбук, и за информацию в нём. Очень удобно.

— Да, удобная система. Но знаешь, Василь, мне бы кого-то из членов учёного совета найти. Мне, понимаешь, отзыв на диссертацию нужен, от ведущей организации, а твой институт как раз и числится моей ведущей организацией.

— В принципе, не вопрос. У тебя с собой?

— Диссертация? Конечно. Только мне бы побыстрее как-нибудь, понимаешь?

— Да на фига мне твоя диссертация? Я что, её читать буду? Отзыв у тебя с собой? Ну, написала ты его?

— Черновик есть, на флэшке. Найдёшь, где распечатать? Я же не знала, какие будут замечания, поэтому твёрдый вариант не подготвила. Да и боялась я, вдруг у вас бланки специальные используются.

— Какие ещё замечания? Нет, конечно, если хочешь, замечания сделаем, только ты мне их сама продиктуй. А распечатать найдём где. Бланки у нас есть, тут ты права. Только вот что я с этого иметь буду?

— Василь, ты хочешь сказать, что отзыв мне подпишешь ты? Не много ли на себя берёшь? Мне, вообще-то, профессор нужен, доктор наук, и чтоб по моей специальности.

— Будет тебе профессор, будет тебе доктор, у меня факсимиле всех членов учёного совета на выбор, считается за полноценную подпись, и гербовая печать в столе. Только, сама понимаешь, такие вещи просто так не делаются. Нет, ты бутылевич, конечно, не убирай, но коньяка твоего, вообще-то, мало.

Варюха прикинула шансы. Денег? Денег было жаль, да и неудобно как-то, особенно за стеклянной стеной. Другой способ оплаты Варюха отмела с ходу, хотя Василь был в принципе парень симпатичный и даже смутно кого-то ей напоминал. Но зачем ему, молодому да красивому, какая-то сомнительная командированная, на два года старше его? Если б он сутулый, прыщавый да застенчивый был, то ещё можно понять. Так нет, вон, ждёт её ответа — и хоть бы что, прямо в глаза нагло так смотрит и не стесняется. И, судя по взгляду, интерес у него чисто деловой. Подумать только, первогодок, а какой талантливый, она бы два года назад вот так посмотреть в глаза не смогла, ей даже Миша советовал глаза в стол опускать в таких случаях... Точно, Миша! Василь чем-то напомнил ей Мишу, за эти два года уже полузабытого. У неё же на флэшке есть отличное введение к диссертации, которое надо обязательно передать другому аспиранту, как эстафетную палочку!

— Василь, введение к диссертации хочешь? Хорошее, меня за него на заседании кафедры в своё время хвалили.

Василь подумал, посмотрел на неё, будто прикидывая, не лучше ли взять деньгами, и наконец ответил:

— Хочу! А коньяк твой давай прямо здесь разопьём, иначе отберут его у меня. И деньги отберут, обыщут и отберут. Вот введение точно не отнимут.

— Кто?

— Да старшие аспиранты, мать их. Следят, кто из командированных в институте был и заставляют докладывать, зачем приезжали да чем благодарили. У нас знаешь какая дедовщина? Не хуже чем в армии!

– 32 –

Коньяк пили прямо тут же, в отделе делопроизводства. В конце концов, рабочий день у Василя закончился, стеклянную стену удалось закрыть с помощью жалюзи, а в маленьком холодильнике, который Варюха поначалу перепутала с сейфом, обнаружилась немудрёная студенческая закуска. Варюха старалась особо не раскидать, хотя Василь слово своё сдержал: просмотрев на компьютере введение, выдал ей и подпись, и печать, так что возделенный отзыв она получила. А вот Василь, видимо, решил расслабиться основательно, пил почти без закуски, быстро захмелел и начал понемногу рассказывать ей о своём институте.

— Говорят, что рулит тут у нас триумвират, три профессора: профессор Кэскат, профессор Несэрат, профессор Амецит. А ещё, как в сказке, — и начальник их профессор Тэмпит, академик, кстати. Только ты их в институте не ищи, всё равно не найдёшь. Они дистанционно рулят. Вроде бы все они издавна были энтузиастами дистанционного образования, считали, что за дистанционным — будущее. Вот и институт постепенно переделали.

— А сам-то ты этих профессоров видел?

— Нет, ты погоди, ты не мешай рассказывать. Перво-наперво дистанционными сделали экзамены, ну знаешь, тесты на компьютере. И вступительные, и все остальные. Поначалу преподаватели ещё на экзаменах сидели, за порядком следили, личности с паспортом сверяли, а потом видеокамеры повешали да диагностику ввели по пальцам и по сетчатке. Говорят, хрен обманешь, я не пробовал. Ну, дальше решили, что лекции лично читать не обязательно, записали себя на видео и теперь с экранов плазменных вещают аудитории. А чтоб голос любому студенту слышно было, динамики

в каждую парту поставили, всё супер, по последнему слову науки и техники. Их за это правительство огромными деньгами поощрили. И вот тогда всех остальных преподавателей понемногу сокращать начали. А для чего они нужны, если лекции телевизор читает? Опять же, преподавателям зарплату платить надо, помещения специальные выделять, где они чай распивают да переодеваются, то есть полезные площади впустую тратить. Потом до практических занятий дошли. Видела, какие у нас интерактивные доски? Сами студентов по фамилии к доске вызывают, случайным образом, сами оценки ставят, ошибёшься — пицчат. Посещаемость датчики специальные на входе отмечают, в каждую аудиторию вмонтировали, а то раньше студенты на входе пальцы к сенсору прикладывали, а потом по туалетам да по подоконникам расползались. А доски зависали от этого. Представь, вызывает доска студента, а студент не идёт, потому что его нет. Вот доска и зависает, она же всё-таки не человек. Теперь с этим покончили. Для того и стены стеклянные сделали, чтоб никто по коридорам не шатался. Ну и чтоб воровства не было, конечно. Потом учебную часть упразднили. Зачем она, если расписание компьютер составляет? Я и статью про это в журнале читал когда-то. Это с людьми расписание составлять тяжело, потому что у людей всякие свои прихоти. У одного дети малые, ему по вечерам пары не ставь. У другого рано вставать не получается. У третьего голос слабый, четвёртому тяжело с этажа на этаж всё время бегать. А телевизору ведь всё равно. Ну, в те времена я ещё в школе учился. Говорят, последними уволили тех, кто в лабораториях за порядком следил, там тяжелее всего процесс автоматизировать, но в конце концов справились. И теперь у нас обучение полностью дистанционное. С научными руководителями по аське переписываемся, дипломы защищаем в режиме видеоконференции. Корочки по почте получаем, заказной бандеролью. А триумвират вместе с начальником незаметно так исчез, словно и не бывало. Я лично, кроме как по телевизору, их не видел, хотя и в аспирантуре уже учусь, тоже дистанционно. И знаешь, — тут Василь перешёл на шёпот и даже начал озиаться по сторонам, словно боясь, что кто-то подслушает, — я вообще начал сомневаться, что они существуют.

Василь склонился ближе к Варюхе, и она даже в полутьме разглядела, какое испуганное у него лицо. Подумав, Варюха незаметно

убрала со стола остатки коньяка. Хватит ему, раз заговариваться начал. Завтра с утра допьёт.

— Да ты что, Василь. Сообрази, в телевизоре-то они есть? Лекции ведь живой человек читал? Значит, твой триумvirат существует.

— Раньше существовал. Но может, они померли давно? Мы тут иногда с ребятами мозгуем да прикидываем. С одной стороны, тексты лекций всё-таки время от времени обновляются. Ну, там, статистика новая, перепись вот недавно была. Опять же, курс доллара колеблется. И в лекциях это всё учтено, без обмана. Но вдруг там программа специальная заложена, которая по Интернету эти изменения отслеживает и в лекции вставляет? Почему бы нет? Ведь это не так уж и сложно. Сетчатку считывать, я думаю, тяжелей. С другой стороны, объявление на входе читала? «Милицию» давно бы надо поменять на «полицию», ан нет. У нас ребята пытались. И не смогли. Я думаю, потому что триумvirат этого не предусмотрел. Ну никак не знали они, что милицию переименоуют. Вот мы и боимся. Темы диссертаций каждый год действительно новые. И с учётом новых веяний. Например, когда у нас везде про инновации говорить начали, в каждой теме слово «инновация» обязательно присутствовало, что, в принципе, уже не очень правильно. Но в этом году все темы уж больно какие-то одинаковые. Третичный принцип Ступиделли в случае четырёх переменных, в случае пяти переменных, в случае шести переменных и так далее. Сколько аспирантов, столько переменных. Мне вот двадцать переменных досталось. Странно это. И я иногда, понимаешь, думаю, может, они темы эти заранее куда-то в память заложили, на много лет вперёд. В какой-нибудь специальный файл? И программу написали, которая разные куски комбинирует и название диссертации сама выдаёт, с учётом новейших достижений научной мысли? Да только файл этот рано или поздно закончиться должен, не может он комбинировать до бесконечности. И всего всё равно не предусмотритишь. Вот под конец программа белиберду всякую и начала выдавать. Ты как думаешь, можно будет мою тему защитити? Обидно ведь будет, если как раз на нашем наборе всё и кончится. Только бы программы этой ещё на два года хватило, так хочется спокойно кандидата получить.

Тут Варюхе стало по-настоящему жаль этого худого, запуганного мальчика.

— Нет, Василь, погоди. Ты ведь сам говорил, что дипломы вы по видеосвязи защищаете, там живые люди должны сидеть, чтоб вопросы задавать и ответы оценивать.

— Ох, не знаю я, Варюха. Вопросы ведь, в принципе, все стандартные и предсказуемые. Нужный голос сделать — тоже пустяк, с нашими-то технологиями. Знаешь, — он начал говорить ещё тише, так что приходилось уже по-настоящему напрягаться, чтобы расслышать, — когда у меня старший брат диплом получал, их ещё вживую выдавали, а не по почте. Так он, говорит, все пять лет мечтал руку пожать тому, кто ему диплом выдавать будет. Ну чтобы убедиться, что это человек, а не трёхмерное кино. Одно дело — видеть, другое — лично пощупать, это ведь пока ещё не подделаешь. И представляешь, не решился. Ругмя себя ругал потом, но струсил. Взял диплом — и всё. Мне сколько раз наказывал, чтоб я обязательно эту руку пожал. Так нет, теперь дипломы по почте высылают.

— Погоди, Василь. Но живые люди-то у вас в институте всё равно должны быть. Ну, кроме студентов и аспирантов. Смотри, уборщицы у вас есть? Есть. Столовая работает? Работает. Комендант должен быть, который за здание отвечает. А ты ещё про общежитие рассказывал, там свой комендант. Смотри, сколько уже народу набралось. Значит, должна быть и бухгалтерия, которая им зарплату платит. К тому же и обучение у вас не бесплатное, правда? По крайней мере у заочников. Такие вещи всегда живым людям доверяют, можешь мне поверить.

— Да верю я, только это всё не то. Коменданты, уборщицы — персонал такой, не самый важный. От них, в сущности, ничего не зависит. И они от нас тоже не зависят, кстати. Даже если все студенты помрут или разбегутся, они всё равно будут полы мыть да зарплату свою получать. Может, наше отсутствие и не заметят, разве что грязи меньше станет.

— Василь, а к вам комиссии в институт ездят? Ну, с проверками, из министерства? Да не могут не ездить, у нас все вузы проверяют. Кто-то эти комиссии встречать должен, документы показывать.

— Документы у нас все в компьютерах, чего их показывать, бери и смотри.

— Ну в ресторан водить, взятки давать. Я понимаю, с командированными аспиранты по очереди управляются. А вот министерских вы хоть раз встречали? Там ведь не брать, там давать надо,

и ни одна программа с этим не справится, потому что суммы, которые надо давать, год от года меняются, и в Интернете расценки, сам понимаешь, никто не публикует. А ошибиться нельзя. Как меня в своё время учили, дать слишком много иногда ещё хуже, чем дать слишком мало. Потому что слишком много — это подозрительно.

— Слушай, Варюха, голова! Я это всем нашим расскажу, это ещё лучше, чем коньяк, даже лучше, чем введение твоё, хотя оно тоже хорошее, спасибо. Ты права, давать взятки — это не брать, с этим компьютер не справится, тут человек нужен. Совсем мы что-то с нашей компьютеризацией запутались.

— Ну, вот видишь. И делать это должен обязательно человек уважаемый, со степенями и званиями, чтоб никого из министерских не обидеть. Скорее всего, ректор или проректор. Так что где-то они у вас есть, просто вам на глаза не показываются. И, честно говоря, правильно делают, я их понимаю.

Василь что-то облегчённо забормотал, вцепившись Варюхе в рукав и чуть не заливая его слезами. Она смогла расслышать лишь пару бессвязных слов, вроде как: «Они живы! Живы они!»

Так в свои 25 лет Варюха поняла, что такое материнская жалость.

– 33 –

Оставался отзыв второго оппонента, и эта задача могла оказаться самой неприятной из всех. Вторым оппонентом Варюхе назначили профессора по фамилии Птипеш. Впрочем, имелось у него и прозвище, бытовавшее в среде студентов и аспирантов. Начиналось оно на ту же букву, что и фамилия, но произносить его вслух в хоть сколько-нибудь приличном обществе было не принято. Репутация у профессора Птипеша была дурная, особенно в отношении женского пола. Хуже, чем у профессора Слэлэбидзе. Потому что профессор Птипеш, в отличие от профессора Слэлэбидзе, человек был крайне несимпатичный, за внешностью своей не следил, и поговаривали даже о каких-то малоприятных извращениях. Впрочем, никто из прошедших через его руки вроде бы не умер. Правда, и подробностей девчонки не рассказывали, даже в очень пьяном виде. Говорили только, что противнее всего с ним целоваться, и если это вытерпеть, то дальше уже не так страшно. Ещё

в те времена, когда Ритуська не вышла замуж за своего Плюстиллоля и жила в общежитии, Варюха лично отпаивала валерьянкой её соседку по комнате, аспирантку второго года обучения, которой Птипеш пообещал написать статью для журнала в обмен на услуги интимного характера и от другого вида оплаты категорически отказался. Девчонка, наслушавшись страшных рассказов, закатила форменную истерику. Статья почему-то нужна была ей обязательно, просто отчаянно нужна, а писать сама она не умела абсолютно. Девчонка была круглой дурой даже по меркам Ритуськи, и без того не слишком высоким. Но от этого её было не менее жалко. Почему-то она внушила себе, что её обязательно начнёт тошнить, и это всё испортит. И вот, рыдая на кровати так, что слушало всё общежитие, она повторяла одну и ту же фразу: «Только бы меня не стошнило! Ой, только бы меня не стошнило!» Пришлось напомнить ей, что тошнит исключительно тех, у кого полный желудок, то есть для успешной научной работы достаточно с утра ничего не есть да вдобавок принять антирвотное. Говорят, антирвотное помогло. Подрбностей девчонка та, как и все остальные, никому не рассказывала, но несколько ночей ходила плакать в туалет. Статью, правда, получила и, кажется, даже защитилась впоследствии. Не исключено, что тем же самым способом.

Варюха решила с рвотным не экспериментировать и вообще выкручиваться как-нибудь по-другому. Пораскинув мозгами и вспомнив про известный метод «кнута и пряника», она для начала постаралась узнать про привычки профессора. Должны же у него быть какие-то увлечения, кроме чисто сексуальных? Не может не быть, иначе бы профессором не стал. В конце концов, есть же у него и аспиранты мужского пола, а ориентация у профессора Птипеша, слава богу, абсолютно нормальная. И вот, побеседовав с мальчиками, Варюха узнала, что он страстный коллекционер, любитель редких зажигалок. Это уже вселяло надежду. Итак, первым делом надо было раздобыть экспонат для коллекции, достаточно редкий и такой, которого у этого профессора точно ещё нет. Желательно, конечно, не чересчур дорогой. Такой экспонат у Варюхи, к счастью, нашёлся. Но была и вторая половина задачи. Не рассчитывая на то, что Птипеш сразу согласится подписать отзыв за одну только зажигалку, пускай даже очень дорогую и редкую, Варюха решила сделать так, чтобы у него самого пропала всякая охота потребовать с неё своей привычной оплаты.

Расчёт был на элементарную брезгливость. От давешней истории, приключившейся с ней на пятом курсе, у Варюхи сохранились коробочки с таблетками. Одна из них была очень яркая, запоминающаяся, и название крупное, даже самому дальнотзорному в глаза сразу бросается. Оставалось надеяться, что человек с такими привычками, как у Птипеша, не может не знать, что это за таблетки и от какой болезни они помогают. Должен он знать и то, что в аптеке их просто так не купишь, и если человек эти таблетки пьёт, значит, ему их действительно прописал врач. Определённый риск в этом плане, конечно, был, но Варюха решила рискнуть. И не проиграла.

– 34 –

Птипеш позвонил на кафедру сам и, сославшись на плохое самочувствие, предложил беседу о достоинствах и недостатках её диссертации провести у него дома. Текст отзыва ему, видите ли, обсудить понадобилось. А то кто знает, что скажет профессор Метумтам, он ведь так строго пропускает. И Варюха пришла.

По обрывочным сведениям, полученным от девчонок, Варюха знала, что профессор никогда не ведёт себя совсем уж грубо, не набрасывается на пришедших сразу у дверей. Ему необходимо предварительно соблюсти определённый ритуал, видимо, составляющий для него важную часть процесса. И Варюха собиралась как можно полнее использовать данное обстоятельство.

Во-первых, её пригласили на кухню и предложили кофе, действительно очень неплохо сваренный. Варюха кофеёк похвалила. Насколько она знала, это был действительно кофе, без всяких подозрительных добавок, и профессор действительно варил его сам. Ну любил человек готовить. Бывает и такое. Да и откуда пожилому интеллигентному мужику раздобыть добавки? Не будет же он по ночным клубам таскаться, в самом деле.

Во-вторых, ей намекнули, как часто приходится оставаться в доме одному, без жены, которая из-за болезни лёгких не может подолгу жить в городе. Как сложно самому всё готовить. Как одиноко бывает по вечерам.

Варюха понимала, что это ещё одна часть ритуала, и совсем скоро пойдут жалобы на мужское одиночество, а вслед за ними — и непосредственный процесс. Пора было наносить ответный удар.

— Да, профессор, чуть не забыла! Я слышала, что Вы страстный коллекционер, и в Вашей коллекции более двухсот зажигалок. Но вот такой ещё наверняка нет, могу поспорить, — она лукаво улыбнулась, — на положительный отзыв о моей диссертации.

— А если поспорите? — игриво взглянул на неё профессор. — Какое желание загадать мне? Вы исполните любое моё желание?

Варюха отвечать не стала, она рылась в сумочке, якобы в поисках ценной зажигалки. Наконец, как это принято у особ женского пола, вывалила содержимое сумочки на стол с таким расчётом, чтобы заветная коробочка с остатками лекарств оказалась как можно ближе к профессору. Тренироваться пришлось заранее и очень долго, но результат того стоил. Птипеш чуть не поперхнулся и осторожно повернул к себе коробочку, чтобы лучше прочесть название. Видимо, хотел проверить, не ошибся ли. Да нет, уважаемый, не ошиблись.

— Вы что, болеете?

— Да, приболела немного, — беспечно ответила Варюха, — ничего, уже почти вылечилась. Вот, пока ещё таблеточки пить приходится да на уколы бегать. Столько времени зря трачу, подумать страшно. Пока до больницы доедешь, пока обратно... А вот и она, зажигалка! Как всегда на самом дне. И кто только придумал эти женские сумки? Ну что, кто из нас выиграл?

Выиграла, конечно, она, причём во всех отношениях. Зажигалку удалось достать благодаря связям её новоиспечённого отчима. Его фирма работала с партнёрами из такой страны, где ни сам Птипеш, ни его ученики и знакомые никогда не бывали, это Варюха могла гарантировать.

— Знаете, по-моему, выиграла Вы, — неожиданно сухо сказал профессор. — У меня действительно нет такого экспоната. Что ж, допивайте кофе и пойдём в гостиную, отзыв на Вашу работу практически готов, осталось кое-что уточнить. Хотя, лучше нет, я принесу его сюда, на кухню.

Ещё бы, мысленно усмехнулась Варюха. Табуреточку на кухне после меня ты хлоркой помоешь или хотя бы спиртиком протрёшь, а в гостиной мягкие стулья небось стоят. Брезгливы Вы, господин профессор, при Ваших-то привычках. Заразиться боитесь. Ну, тем лучше для меня и тем хуже для Вас.

Профессор Думикис всё не спешил с отзывом, и Варюха даже начала беспокоиться, что спектакля со Славиком оказалось недостаточно. Больше всего она боялась попасть в ту неприятную ситуацию, когда с неё прямо потребуют денег. После этого не заплатить будет уже нельзя, потому что заплативший как бы становится соучастником преступления, а тот, кто отказался, — это постоянная опасность, потенциальный шантажист, вечный дамоклов меч над твоей головой. Такого не прощают. На всякий случай Варюха стала отключать у себя дома телефон и старалась не бывать в институте в те дни, когда там бывал профессор Думикис. Всё равно приобретение коллекционной зажигалки истощило все её резервы.

Ситуация рассосалась неожиданно, в рядовой, хлопотливый и мерзкий день поздней осени, когда Варюха, приоткрыв дверь на кафедру, случайно услышала один телефонный разговор и тут же поняла, что разговор идёт крайне важный. Во-первых, на этот раз Игорь Валерьянович, как ни странно, говорил по стационарному аппарату, что уже само по себе показалось ей любопытным. Во-вторых, на кафедре он был совершенно один. Такое стоило послушать. Варюха прикрыла дверь, сделала вид, что изучает расписание консультаций, и напряглась. Хотя она слышала только половину разговора, только то, что говорил Игорь Валерьянович, суть была понятна. Да, это точно про неё. И точно с Думикисом.

— Слушай, старик, я повторяю тебе, цепочка совсем простая. Ты даёшь отзыв моей девушке, я беру статью Сутулбенса в свой журнал, а за это Сутулбенец подписывает публикацию парню профессора Жмулкиса, который, в свою очередь, даёт тебе индекс цитируемости. Как-как? Что ты, как ребёнок. Все его аспиранты этого года в своих ваковских статьях сошлются на тебя, по одной цитате с носа.

— Да не связывайся ты с этой девкой, скользкая она какая-то! Кажется, в бумагах моих рылась.

— Нет, обычно с ней не получится, даже забудь сразу. У неё приятели в прокуратуре, она к тебе придёт с мечеными купюрами и диктофоном. Я понимаю, что ничего они тебе не сделают, но за-

чем эти хлопоты и нервы? Я в курсе твоих проблем, но всех денег не заработаешь.

Итак, с Думикисом неприятностей не будет, здесь Игорь Валерьянович на её стороне. Варюха прикрыла дверь и отошла, решив вернуться минут через десять, а лучше — пятнадцать. Незачем начальству знать, что она ещё и под дверью подслушивает.

– 36 –

И вот, наконец, настал тот торжественный день, когда Варюхе предстояло защитить свою диссертацию. Вероятно, от нападения злобных завистников и ретроградов. Все бумаги были собраны, отзывы подписаны, авторефераты отпечатаны и разосланы по нужным адресам. На заседаниях кафедры состоялось несколько виртуальных предзащит, виртуальных в том смысле, что проводились они только на бумаге, как и сами заседания кафедры. Впрочем, протоколы всё равно приходилось заполнять, и, сочиняя возможные вопросы к своей диссертации (не менее трёх на каждом заседании и чтоб все разные), Варюха поняла, что какая-то польза от этих предзащит всё-таки есть.

Совет заседал в Институте технологической ахинематики. Первым на этом учёном совете выступал юноша по имени Ким, таинственный аспирант, которого раньше никто не видел. Сын профессора Ахонина, заведующего лабораторией философского макетирования. Варюха с интересом всматривалась в его какое-то необычное, нездешнее лицо и не сразу, а только ближе к середине выступления заметила, что тема его диссертации как две капли воды похожа на ту, которой занимался Миша. Ну конечно! Игорь Валерьянович должен был сам, от начала до конца, написать кандидатскую за этого блаженного аспиранта, расплачиваясь таким образом за жену-лаборанта, дочь-методиста и сына-программиста, успешно и небезвозмездно трудившихся в лаборатории философского макетирования. Но работать Игорю Валерьяновичу, как всегда, не хотелось. И на подчинённых такую задачу не свалишь. Поэтому после ухода Миши он попросту взял оставшуюся от него диссертацию и слегка изменил её, так, чтобы она соответствовала немного другой теме. Что ж, вполне разумно. Не исключено, что и вся комбинация с Мишей была задумана специально ради этого. Кажется, этот ход называют

«комбинация с дойной коровой». Раньше такой коровой становился какой-нибудь талантливый аспирант, вроде Павлика, который успевал за три года написать две диссертации, одну себе, другую — нужному человеку, то есть нўжнику. Но в последнее время талантливые все повывелись. Павлик вот взбрыкнул, хотя мог бы заниматься одновременно и диссертабельной темой с Думмкопфом, и Эхманьяном своим. А может, дойной коровой должна была сделаться Варюха? Но тут у Миши очень вовремя заболел отец...

Впрочем, кое-какие неприятности Варюхе всё же грозили, ведь она тоже использовала диссертацию Миши, к счастью, существенно смешав её с работами Павлика. Дрожащей рукой Варюха притянула к себе лежавший на столе автореферат аспиранта Кима. Так и есть, актуальность темы, практически слово в слово. Те самые слова неизвестного автора, простые и мудрые, от которых Миша в своё время чуть не расплакался. Надежда только на то, что совпадения авторефератов никто не заметит, хотя бы до исхода сегодняшнего дня.

— Что ж, работа интересная, неординарная, — поднялся оппонент профессор Дразиня, явно не зная, что сказать. Сегодня он был необычно лохматым, взъерошенным и каким-то жалким. Ишь, как совесть мучает человека, страшно смотреть. Интересно, по какой цепочке Игорь Валерьянович заставил его оппонировать своему Киму? Но нет худа без добра, сегодня ему точно не до постулатов, сразу заметно.

Ким между тем, успешно ответив на вопросы высокой комиссии, вернулся на своё место, и это означало, что пришла очередь Варюхи. И Варюха отправилась выступать, успев краем глаза заметить, как профессор Птипеш брезгливо покосился на её стул.

Далее всё происходило так, как и обещал Игорь Валерьянович. Профессор Жмулкис спросил про графику и, услышав, что Варюха в принципе не пользуется продукцией компании Майкрософт, сразу успокоился. Профессор Сутулбенс задумчиво раскрыл диссертацию и тут же, с видимым удовольствием, прочитал пространный отзыв о своей недавней статье. Грозный профессор Метумтам тихонько похрапывал. Оба оппонента выступили без сучка без задоринки, хотя никто, кроме Варюхи, их и не слушал. Игорь Валерьянович ничего говорить не стал. Правильно, незачем казённое время зря тратить.

Оставалось высидеть ещё пару часов, дожидаясь, пока защитятся остальные восемь тружеников науки. И пережить те страшные 15 минут, когда надо ждать результатов тайного голосования. Варюха даже пожалела, что не курит. Как хорошо было бы смолить сейчас одну сигарету за другой! А так оставалось только пялиться на обшарпанный дворик технологического института, выстроенный в псевдоклассическом стиле, с обязательными колоннами и уродливыми гипсовыми ангелочками с отбитыми крыльями. Да любоваться пожухшей прошлогодней травой. Варюхе показалось, что за 15 минут она выучила каждую деталь этого дворика наизусть.

Наконец им велели зайти обратно в аудиторию. Ознакомили с результатами голосования. Поздравили каждого из десятирх. Всё!

– 37 –

И наступил долгожданный, честно заслуженный кульминационный момент любой защиты, в просторечии именуемый банкет. Праздновали в институтской столовой. После того как огласили результаты голосования, Варюха, кажется, впервые за все эти годы по-настоящему расслабилась и даже решила не думать о том, какие деньги потратили они вдвядетером (блатной Ким, естественно, был не в счёт) на то, чтобы накрыть этот стол. Профессора начали произносить тосты, и кое-кто довольно быстро, что называется, по-плыл. Вскоре стало понятно, что банкет удался. Вдрызг упившийся профессор Жмукис, держа молодого рубщика мяса за рукав, шептал ему: «Три года работы моим личным шофером — и диссертация Ваша, молодой человек. Знаете, какие у меня возможности?» Профессор Сутулбенс шептал Метумтаму на ухо, какие трогательные слова написали диссертанты о его старой, полузабытой статье: «И ведь я уже думал, что она давно никому не нужна, а ей, подумать только, до сих пор пользуются! Вот что значит инновационный дух!» Профессор Птипеш жадными глазами обшаривал прелести поварих, но, встретившись взглядом с Варюхой, брезгливо передёрнулся и предпочёл заняться салатом.

Варюхе вдруг захотелось, чтобы Игорь Валерьянович тоже напился, напился, так сказать, вдрабадан, до полной потери самоконтроля, чего, в общем-то, за ним не водилось. Ей было любопытно,

что из этого получится. Она уже довольно хорошо знала, как часто пьяные мужчины любят раскрывать свою душу на ближайшем женском плече, и ей показалось, что заглянуть в душу своего начальника было бы донельзя занятно. Он, как и все, сидевшие за этим столом, да как и любой человек на этой планете, наверняка считает себя существом нормальным, порядочным, добрым, в чем-то даже благородным. И все свои поступки наверняка объясняет очень вескими и существенными причинами. Ну и любовью к зайчишке, конечно.

Однако Игорь Валерьянович сегодня был за рулём и не пил. А профессор Думикис вообще ушёл, сославшись на неотложные дела. Наверное, побоялся, что спьяну сболтнёт что-нибудь лишнее. А вдруг и впрямь диктофон? Дразиня тоже куда-то делся, видно, побежал ковать очередного кандидата.

Вскоре за столом сделалось скучно. Профессора принялись обсуждать какие-то околонаучные финансовые проблемы, понятные им одним, а все остальные потихоньку начали отползать поглубже в тыл. Варюха тоже отошла в дальний угол зала, где кучковались новоявленные кандидаты наук. Здесь велись свои разговоры, и на Варюху вдруг накатило ощущение острого одиночества. Ребята собирались группками, в зависимости от того, под чьим руководством они писали диссертацию, а Варюха у Игоря Валерьяновича сегодня была одна, если не считать Кима, конечно. И получалось, что для всех она лишняя. Беседы с её приближением затихали, словно велись они на какие-то секретные и непристойные темы. Варюха прислушалась.

— Чёрт, а у меня два человека против, интересно кто? А ведь мой говорил, что всё окей будет.

— Дурак ты что ли? Когда есть кто-то против, это наоборот хорошо. Быстрее в ВАКе проверку пройдёшь, они ещё подумают, что по твоему диссеру тут дискуссия научная разыгралась, а в споре, как известно, рождается истина. Ты ещё самый первый из нас корочки получишь.

— Да и для совета неплохо, когда у них голоса разделяются. А то что это за совет, на котором всегда все голосуют «за». Я слышал, они заранее договариваются, кто должен черные шары закатывать и сколько. Иногда, конечно, лучше и провалить какого-нибудь бедолагу, но это уже крайний случай.

— Говорят, что хороший научный руководитель сразу просит пару человек против проголосовать. Тут главное — не переборщить, потому что когда голоса почти что напополам разделяются, тоже плохо. Тут уж твой диссер точно под микроскопом разглядывать начнут и найдут, к чему прикопаться...

— Представляешь, только за месяц до защиты вдруг выяснил, что руководителем у меня совсем не тот человек значится, с которым я реально работал, а баба какая-то. Правда, с той же фамилией, не то дочь, не то жена.

— Жена, наверное, дочери ещё рановато, насколько я знаю. Видать, профессора получить хочет, аспиранты ей нужны, а самой руководить толку мало. Да и куда ей с вами, мужиками долболобыми, справиться. Вот муж и помог, чем смог...

— А мой меня в девках, ну то есть в ассистентах незащищённых, три года мариновал, уже после аспирантуры. Всё, говорил, сыровата диссертация Ваша. Пока мы с ним монографию не дописали, так на защиту и не выпустил.

— А ты чего хотел? Защитишься — и адью, никакой монографии, чего непонятного-то?

— Я уж хотел обходный манёвр сделать, почву в других советах прошупать и перед фактом его поставить.

— Ну, это ты загнул. В каждом совете свои ходы иметь надо, щупай не щупай, а без блата они даже корочки с твоего «кирпича» не откроют, чтоб хотя бы название прочитат. Платить — и то бесполезно, потому что без блата они плату не берут.

— Да, слышал я про соискателя одного, который лет десять со своей диссертацией по советам ездил, во все двери стучал и никуда пристроить так и не смог. Ну, правда, у него ещё с пятым пунктом проблемка была, тогда ещё на это смотрели...

— Скучаете, Варвара? — это оказался аспирант Ким, тот самый. Похоже, повеселился он сегодня активно, тем более что не за свой счёт. Радостно всё-таки, когда ты кандидат наук, даже если ты лично, сам, никаких телодвижений для этого не сделал. С бокалом к Варюхе подошёл, видать, познакомиться. Всё-таки, мол, вместе в аспирантуре учились, у одного профессора диссертацию писали,

а ни разу не встречались. Надо исправлять эту несправедливость. Тут Варюхе пришло в голову, что Ким, наверное, поможет ей решить ещё одну, последнюю проблему. Должен же и он хоть какую-то пользу науке принести.

— Ким, а Вы уже придумали, что подарите Игорю Валерьяновичу? Понимаете, я в некотором смятении, ведь он никогда со мной не откровенничал, и я не знаю, чем он интересуется. Ну, помимо работы. А Ваш отец, я слышала, с ним друзья. Не подскажите?

Ким задумался. Ну думай, думай, тебе полезно. Кандидатскую отрабатывать надо. Как бы ещё повернуть дело к совместному подарку, и чтоб за твой счёт, разумеется. Варюха рассеянно смотрела в его нездешние, немного раскосые глаза. Ким принёс ей ещё один бокал. Интересно, он что, склеить её решил? Сыночек высокопоставленного отца, ни на что в жизни самостоятельно, скорее всего, неспособный. Не будет папы — и умрёшь ты, Ким, под забором, даже с твоей кандидатской степенью. Но пока ты молод, симпатичен и на внешность совсем не противен. К тому же у тебя есть полезный папа, и на квартиру мою ты, скорее всего, не позаришься.

— Я подумаю, Ким, — лучезарно улыбнувшись, ответила ему Варюха на какой-то очередной вопрос.

– 38 –

Варюха спустилась по обшарпанной грязной лестнице, и солнечный свет на мгновение ослепил её. После стольких пасмурных дней небо наконец-то прояснилось. Символично.

Всё кончилось. Нет, конечно, оставались ещё кое-какие формальности, но Варюха ощущала себя так, словно заветный диплом кандидата наук уже лежал в кармане её сумочки. Может быть, от притока свежего воздуха, но голова её неожиданно закружилась. Ей показалось, что и трава немножко зазеленела, и убогие гипсовые ангелы с отбитыми крыльями вдруг сделались мраморными и строгими. Варюха зажмурилась и помотала головой, но от этого ей стало только хуже. Лица из прожитой жизни сменяли друг друга перед её внутренним взглядом, точно она принимала какой-то фантастический парад. Оппоненты профессор Думикис и профессор Птипеш, секретарь учёного совета профессор Сутулбенс. Аспирант Василь из мёртвого дистанционного института.

Петруха, Ритуська, Павлик. Володька и «программисты». Игорь Валерьянович. Миша... Люди, которые сонно глазели на неё во время конференций, не замечая очевидных ошибок в докладе, а потом с тем же снисходительно-отсутствующим выражением лица заседали в совете... Почему, как могло случиться, что эти люди, эти самые люди, то соблазнявшие её, то вымогавшие взятки, те, кто беззастенчиво крал чужие идеи, кто переписывал содержимое из одной статьи в другую и так до бесконечности, кто наострил язык произносить длинные, обтекаемые и абсолютно бессмысленные речи и не знал даже самых элементарных вещей, выходящих за рамки своей научной темы, — эти самые люди считались учёными и стояли за кулисами общего человеческого прогресса? А ведь мир настоящей науки, несомненно, где-то существовал. Кто-то же должен был запускать в космос корабли, производить чудесные технические новинки, делать сложнейшие медицинские операции. Кто? Неужели они, неужели **вот эти**?

Варюхе показалось, что её мозг безуспешно пытается соединить два параллельных мира, существующих независимо друг от друга. Между тем эти миры, безусловно, где-то пересекались. И она, новоиспечённый кандидат наук, стала частью этих миров.

А может быть, запомнившаяся ей на всю жизнь ведущая организация и есть подлинная модель современности? Когда-то действительно жили на свете люди, понимавшие, что они делают, чем занимаются и зачем. Именно они заложили фундамент современной науки, сформулировали её постулаты, назвали основные законы и обеспечили тем самым некий первоначальный толчок. А сейчас эти люди исчезли, все до одного, то ли умерли, то ли скрылись куда-то, но запущенный ими процесс пока ещё идёт, автоматически, по инерции. И мы, ошмётки настоящих людей, всё цепляемся за обрывки великих истин. И такова была сила этого первотолчка, что на наш век её ещё точно хватит.

Головокружение прошло, и, взглянув на пожухшую зелёную траву и гипсовых ангелов, Варюха задала себе тот самый вопрос, который рано или поздно неизбежно возникает перед каждым кандидатом наук.

А может, докторскую?

АСПИРАНТСКИЕ БАЛЛАДЫ^[2] (Подражание Киплингу)

*Моему научному руководителю,
неустанно вдохновлявшему меня на сей горестный труд,
посвящается*

ПРИГЛАШЕНИЕ («Hyænas»)

*«Идеал, стоящий перед человечеством, не
совпадает с идеалом кроликов или свиней
и состоит не в том, чтобы расплодиться
как можно больше.»*

Л. Н. Толстой

Когда догорели еретики
И святые отцы ушли,
Светила науки, её царьки,
Замаячили где-то вдали.

Как можно сгореть ради любви,
Истины или идей,
Не знают они и знать не хотят:
Они из иных людей.

² Эти баллады можно рассматривать как своеобразное поэтическое послесловие к похождениям бравой аспирантки, то есть Варюхи. Хотя и задуманы, и написаны они были совсем по другому поводу и гораздо раньше. Первоначально я предполагала, что читатель увидит в них стихи, сочинённые бравой аспиранткой в те редкие часы, когда она делала перерывы в работе над своей диссертацией. Но вряд ли Варюха умела сочинять стихи. Поэтому будем считать, что баллады написал обиженный Павлик, когда у него в армии выдавалось свободное время.

Им надо кормить детей и жён,
Им надо кормить себя:
За то, что когда-то был влюблён,
Ты платишь, уже не любя.

(Всё равно, чтоб урвать пожирней кусок,
Надо душу иль руки марать.
А перевернуть слова мертвецов
Способен любой дурак.)

И тогда у них будет много машин,
Одежд и блестящих камней.
(Существам, у которых нет души,
Нужно много разных вещей.)

А в чьих-то глазах на портретах — скорбь,
Их взгляд всепрощающ и строг.
Но кто их заметит — под потолком?
Лишь несуществующий Бог.

А внизу — веселье: монеты звенят,
Банкноты шуршат, шум и гам,
Науку двигают... все подряд!
Присоединяйся к нам!

ТВОРЧЕСТВО («Birds of Prey March»)

«Я занимаюсь этой научной темой только потому, что мне платят за неё деньги. Если перестанут платить, я тут же её брошу.»

(Автореферат честного человека)

«Я думаю, что этих денег для Вас будет слишком много, и половину надо отдать мне.»

(Из разговора научного руководителя с аспирантом)

Тяжко. Как всегда, с похмелья жутко голова болит.
Жарко. Где же пиво, аспирин или валидол?
Трудно. Для моей карьеры очень нужно сделать вид,
Будто я чего-то там открыл или изобрёл.

Боже! Денег, дай мне денег,
Много денег, поскорей!
Заведу семью, одену,
Накуплю себе вещей!
Веселей!
У жены и у детей
Будут серьги золотые из всех торчать ушей!

Глупо я пошёл на математику студентом,
Надо было бы туда, где практики полно.
Счас провёл бы двести пятьдесят экспериментов:
Удались, не удались — не важно, всё одно.

Ну да ладно, здесь чего-то тоже можно сляпать,
Лишь бы мой руководитель, блин, не подкачал.
Надо с этой книжки пару формулок обтяпать
Да приткнуть хоть самый заваливающий интеграл.

СВЕТ
(«Boots»)

Приговорённым к компьютеру посвящается

«Учение — это свет.»
(Народная мудрость)

Белый-почерк-синий-фон — это диссертация.
Тонкий-тонкий-тонкий-визг — это диссертация.
Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

Ми-нус-два-да-пол-то-ра — минус пять диоптрий
враз.
Шесть-и-во-семь-семь-и-шесть — минус десять
через год.

Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

Нет-не-смо-три — на мерцающий экран.
(Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.)
Бей-бей-бей-бей — бей по клавишам сильнеей,
Учёному думать нельзя.

За-ставь-свой-мозг — мечтать о чем-нибудь другом.
(Дай-мне-Бо-же — поскорей сойти с ума!)
Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

Не-за-будь-что — где-то есть иная жизнь,
А-не-то-во — веки будет литься свет,
Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

Жить-жить-жить-жить — можно, видя кровь и смерть,
Но-но-но-но — но не этот жуткий свет,
Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

Ес-ли б-знать-как — различить дрожащий текст,
Но-сквозь-гной-и — слёзы виден только свет,
Свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

Зна-ет-тот-кто — диссертацию писал,
Э-то-не-и — деи, мысли и слова,
Но свет-свет-свет-свет — в воспалённые глаза.
Учёному думать нельзя.

АПРОБАЦИЯ^[3]
(«When Homer smote his blooming Lyre...»)

*«У него не хватает ума даже на то, чтобы
понять, что у человека вообще есть ум.»*
Г.К. Честертон

И как только докладчик завёл свой рассказ,
Улыбнулся профессор с густой бородой
И, уткнувшись в газету, вздыхал всякий раз,
Когда громко храпел академик седой.

Каждый видел, что это — сплошной плагиат,
Каждый слушал с усмешкой свои же идеи,
И летел в пустоту барабанный доклад,
Чтоб учёных мужей отпустить поскорее.

Каждый знал, где и сколько докладчик украл,
И докладчик всё знал, но не сбился ни разу.
Только где-то в углу академик ворчал:
«У меня были лучше построены фразы!»

³ Когда диссертация в основном уже написана, аспирант докладывает о своих результатах разным, иногда очень высоким собраниям ученых. Это называется апробацией.

ЗАЩИТА («Danny Deever»)

*«Один лишь раб
Так может быть и подл, и слаб.»*

К. Ф. Рылеев

«Зачем мы все сюда пришли?» — спросили на Совете^[4].
«Проголосуем и уйдём», — им секретарь^[5] ответил.
«Проголосуем «за» иль как?» — спросили на Совете.
«Конечно, «за», конечно, «за», — им секретарь ответил.

Ведь сегодня защищается известный аспирант,
Он так часто обнаруживал недюжинный талант,
У него руководитель — просто монстр или гигант!
Неужели мы проголосуем «против»?

«Он лекции за нас читал», — вздохнули на Совете.
«Да и зачёты проставлял», — им секретарь заметил.
«Умел бумаги составлять», — вздохнули на Совете.
«Кто ж будет их теперь писать?» — им секретарь заметил.

Да, сегодня защищается известный аспирант,
Только пусть он ради нас слегка урежет свой доклад,
Ведь смешно, ей-богу, слушать каждый раз и всё подряд.
А не то возьмём, да и проголосуем «против»!

«Он мне с ремонтом помогал», — промолвил член Совета.
«Обои клеил, плитку клал», — тут секретарь заметил.
«Он в фирме числился моей», — промолвил член Совета.
«Не в ней одной, не только в ней», — тут секретарь заметил.

⁴ Ученый Совет состоит из людей, уже обладающих ученой степенью. Они решают, достоин претендент присвоения ученой степени или нет. Это называется защитой.

⁵ Секретарь Ученого Совета занимается подготовкой документов и решением других организационных вопросов. Обычно лучше остальных ориентируется в происходящем.

Что ж, сегодня защищается известный аспирант,
Он нас так просил прийти, чтоб кворум всё-таки собрать,
Обещал, что все расходы возместить он будет рад.
Ну неужели мы проголосуем «против»?

«Конечно, тема^[6] не нова», — шептались на Совете.
«Да и проста как дважды два», — им секретарь ответил.
«Бесмысленный, ненужный труд», — шептались на Совете.
«Как всё, что происходит тут», — им секретарь ответил.

Но ведь сегодня защищается известный аспирант,
У него руководитель — просто монстр или гигант,
Стол давно накрыт банкетный, и бутылки в ряд стоят.
Так неужели мы проголосуем «против»?

ПОСЛЕСЛОВИЕ («If»)

«Человек существует не для того, чтобы жить, а для того, чтобы плавать по морям.»

(Древняя мудрость)

Если в юные годы, сквозь розовый дым,
Звонким голосом детским ты вдруг произнёс
То, что остро почувствовал сердцем своим:
«Я рождён, чтоб ответить на некий вопрос,

Мне не нужно почёта, не нужно наград,
Мне никто не поможет; я должен понять,
И нельзя отказаться, вернуться назад,
Как нельзя не любить, как нельзя не дышать»;

⁶ Тема диссертации. Считается, что она должна быть новой и актуальной, то есть необходимой для кого-то.

Если позже, взрослея, ты с болью поймёшь,
Что за каждое знание надо платить,
Зачеркнуть, как бы бросив на жертвенный нож,
Дом, семью и здоровье, уменье дружить;

Если ты ощутишь, что сквозь мрак и мороз,
Как судьба, что приходит однажды в ночи,
В твоё сердце всерьёз, в твоё сердце всерьёз
Ледяная, жестокая тайна стучит;

Если, всю свою смелость собрав наперёд,
Ты откроешь ей дверь, ты позволишь войти,
И она в неизвестность тебя поведёт,
Лишь бы сил доставало идти и идти;

Если как-то, себя не узнав, ты поймёшь:
В тебе новая сила и новая власть,
И, тоскуя по прежней душе, ты начнёшь
Проклинать этот дар, но не сможешь проклясть;

Если, видя, что мысли твои не нужны,
Ведь без них так приятно и радостно жить,
Если, слыша, как голос любимый сквозь сны
Умоляет отречься и всё позабыть,

Ты спокойно примеришь терновый венок
И от правды своей не отступишь ни в чём, —
Это значит, ты думать способен, сынок.
Это значит, что ты обречён.

ШУЛИКОВСКАЯ Валентина Валентиновна

ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОЙ АСПИРАНТКИ

Абсолютно фантастическая история

Корректор *Огородникова Е. В.*
Компьютерная верстка *Первоицков Д. Н.*
Дизайн обложки *Каляпин Д. В.*

Подписано в печать 10.04.2012. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная №1. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 6,0. Уч. изд. л. 5,7.
Тираж 110 экз. Заказ № 000769.

ООО ИИЦ «Бон Анца»
426063, г. Ижевск, пр. Дзержинского, 3.
Тел./факс: (3412) 63-21-63. E-mail: mail@izhcat.ru